ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (2386) Суббота, 10 января 1948 г. Цена 40 коп.

За большевистскую партийность в советском литературоведении

В своем выступлении на философской дискуссии товарищ А. А. Жданов сказал: «Известна та страсть и непримиримость, с которыми марксизм-ленинизм всегда вел и ведет острейшую борьбу со всеми врагами материализма. В этой войне марксисты-ленинцы подвергают своих противников уничтожающей критике». И далее товарищ А. А. Жданов разоблачает беззубое вегетарианство по отношению к философским противникам, представляющее безусловную дань профессорскому квази-об'ективизму.

Эти указания имеют громадное значение и для советской критики и литературоведения.

Непримиримая борьба со всеми и всякими реакционными и идеалистическими взглядами, проявляющимися в литературе и литературной науке, — важнейшая обязанность советской критики.

Между тем, в некоторых литературоведческих работах, появившихся за последние годы, особенно сильно дают себя чувствовать беззубое вегетарианство, профессорский квази-об'ективизм, а также и прямая апологетика по отношению к реакционным, идеалистическим тенденциям в творчестве писателей прошлого.

Передовые представители великой русской литературы, ее могучие художники создали бессмертные творения, разоблачавшие темные силы реакции, жестокость эксплоататоров, произведения, полные освободительного пафоса, морального благородства, веры в человека, священного гнева против всего того, что враждебно человеческому счастью.

Одной из важнейших задач советского литературоведения является раскрытие всех тех революционных, прогрессивных, гуманистических идей, которыми так богато творчество русских писателей прошлого, выяснение той роли, которую играли их произведения в освободительной борьбе народа против самодержавия и капитализма.

При этом нельзя забывать, что творчество даже и лучших художников прошлого зачастую внутренне противоречиво, исторически и классово ограничено. Мировоззрение писателей прошлого, складываясь в конкретных исторических условиях классовой борьбы, наряду с прогрессивными идеями несет в себе в той или другой мере и груз обветшалых, чуждых духу советского человека идей, чувств, представлений.

К сожалению, отдельные литературоведы вместо того, чтобы правильно, по-большевистски осветить творческий облик того или иного писателя, раскрыть все прогрессивное в его творчестве, резко критиковать слабости, отрицательные стороны, идут по ложному и вредному пути замазывания недостатков, порою скатываясь до прямой апологетики чуждой советскому читателю идеологии и психологии.

«Культура и жизнь» и «Литературная газета» указали на порочность книг А. Долинина и В. Кирпотина, посвященных творчеству Достоевского, а также на об'ективизм и апологетичность комментариев В. Томашевского и А. Слонимского к изданиям сочинений Достоевского. Либеральное подкрашивание Достоевского, содержащееся в этих книгах, ведет к поддержке и пропаганде идей, служащих мировой реакции.

В статье «Проповедники антиленинских взглядов на творчество Л. Толстого», печатающейся в сегодняшнем номере нашей газеты, показано, что в ряде литературоведческих работ искажается действительный облик великого русского писателя, допускаются грубейшие извращения в истолковании ленинских взглядов на творчество Л. Н. Толстого.

Трудно представить себе что-либо более возмутительное! Статьи великого Ленина о Толстом имеют громадное, основополагающее значение для нашей истории литературы.

По словам В. И. Ленина, «...всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый грубый вред».

Прямым протаскиванием толстовщины является включение в сборник избранных отрывков из сочинений Толстого, изданный Гослитиздатом в 1944 году под редакцией Н. Гусева, религиозно-философских высказываний Толстого, вырванных из контекста и подобранных таким образом, что они дают ложное, идеализирующее представление об этой наименее ценной части наследия великого русского писателя.

Такая же идеализация встречается и в работах о Тургеневе. В книге Н. Анциферова либеральный постепеновец Соломин, герой тургеневской «Нови», об'является «новым человеком» и революционером (см. статью «Либеральное недомыслие» в сегодняшнем номере нашей газеты).

Особенно развязно пропагандировались антимарксистские взгляды в дни литературных юбилеев. Вместо научной, исторически правдивой характеристики того или иного писателя в некоторых литературоведческих статьях давалась лживая, прикрашенная, искусственно модернизированная картина творчества юбиляра. В нашей стране чествование выдающихся писателей прошлого стало поистине всенародным, поэтому ошибочные, идеалистические выступления литературоведов приносят огромный вред делу идейно-политического воспитания молодежи и всего народа.

В этой связи можно назвать некоторые книги, вышедшие к юбилею Н. С. Лескова, крупного и яркого писателя, в произведениях которого, однако, сильно дают себя знать реакционные и религиозные мотивы. Так, Ф. Евнин в своей работе «Н. С. Лесков» (издательство Гослитмузея) нашел в героях Лескова, зараженных религиозными взглядами, не более и не менее, как «высокую идейность». При этом в брошюре Ф. Евнина вообще обойден вопрос о религиозных взглядах Лескова.

Некоторые исследователи доходят до того, что восторженно превозносят второстепенных реакционных литераторов прошлого. В работах по русскому литературному языку проф. В. Виноградов всемерно восхваляет славянофилов и рекомендует идеалиста и мистика К. С. Аксакова, как... передового ученого.

Б. Эйхенбаум в статье о Толстом об'явил книгу «Россия и Европа» мракобеса Н. Данилевского научной работой. Характеризуя Данилевского, он цитирует, как бесспорный авторитет, Вл. Соловьева — вождя русского идеализма конца XIX века.

Все эти вопросы имеют отнюдь не узко академическое значение. Издание и распространение книг, в которых идеализируется мировоззрение Достоевского или «исторический грех толстовщины», вузовские курсы, в которых дается антиисторическое, антиленинское истолкование творчества отдельных писателей прошлого, — все это является замаскированным выступлением против самых основ нашего мировоззрения, мировоззрения марксизма-ленинизма.

Советская критика и литературоведение должны решительно покончить с либерализмом и об'ективизмом в литературоведении.

Наша наука о литературе должна быть проникнута большевистской принципиальностью. Оценивая произведения, наши критики и литературоведы должны руководствоваться великими идеями марксизма-ленинизма, ленинским принципом партийности.

К 30-летию Советской Армии

Беседа с председателем комиссии по военно-художественной литературе Союза советских писателей П. ВЕРШИГОРОЙ

Комиссия по военно-художественной литературе Союза писателей занята сейчас подготовкой к 30-летию Советской Армии. В этом славном празднике писатели должны принять самое деятельное участие.

Главное Политическое Управление Вооруженных Сил, Союз советских писателей и Союз советских композиторов об'явили конкурс на лучшую песню. Композиторы и поэты работают над юбилейными и победными кантатами, над песнями о выдающихся победах, о городах-героях, о прославленных дивизиях, о советских бойцах и их подвигах, пишут армейские лирические и шуточные песни.

К дням 30-летия Советской Армии готовится большая литературная выставка, демонстрирующая работу писателей в дни войны. На выставке будут показаны книги, изданные в военные годы, армейская печать, в которой участвовали писатели, иллюстративные материалы.

Комиссия по военно-художественной литературе готовит к печати сборники произведений писателей, погибших на войне: Б. Ивантера, М. Лузгина, А. Хамадана, М. Розенфельда, книгу рассказов об Америке М. Волосова, избранные стихи Дж. Алтаузена. Будет издан также отдельный сборник стихов погибших поэтов.

Комиссия совместно с Политуправлением ВВС проводит конкурс на лучшее литературное произведение — рассказ, стихотворение, песню, посвященные Военно-Воздушному Флоту. Для работы над произведениями о советской авиации писатели выезжают в части ВВС. При редакции газеты «Сталинский сокол» устраиваются творческие совещания, встречи писателей с генералами и офицерами.

Недавно комиссия обсудила план Воениздата на 1948 год по разделу художественной литературы. По предложению писателей, издательство включило в свой план, кроме ряда книг на военные темы, альманах о сегодняшнем дне Советской Армии.

В дни 30-летия Советской Армии и Военно-Воздушного Флота писатели выедут в воинские части для выступлений на литературных вечерах, проведения бесед и чтения своих произведений.

Новгородскому музею возвращено 30.000 томов

НОВГОРОД. (Наш. корр.). Сюда продолжают поступать книги музейной библиотеки, разворованные гитлеровцами в дни оккупации.

С начала освобождения Новгорода местному музею возвращено 30 тысяч томов — по истории, философии, психологии, медицине.

Среди книг — уникальные исторические словари, оригинальные произведения летописцев древнего Новгорода и сборники законов Новгородского государства.

Двери музейной библиотеки снова раскрыты для научных и литературных сил Новгорода и области.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«К СУРОВОМУ ОТВЕТУ!»

В связи с опубликованной в № 2 «Литературной газеты» от 7 января с. г. статьей «К суровому ответу» Министерство торговли СССР сообщает:

В дополнение к ранее данным на места указаниям о недопущении в городах и рабочих поселках каких бы то ни было форм закрытой торговли, министр торговли СССР тов. А. В. Любимов поручил Главному управлению государственной торговой инспекции строго проверить приведенные в газете факты и привлечь к ответственности виновных в допущенных извращениях.

В Ленинградскую и Калининградскую области командированы инспекторы Главного управления государственной торговой инспекции. Принятие необходимых мер по городу Златоусту возложено на главного государственного инспектора по торговле по Челябинской области.

Член коллегии Министерства торговли СССР, начальник главного управления государственной торговой инспекции

Т. БЯЗРОВ.

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

Всеволод ИВАНОВ

Чувство неустанно растущего творчества, которое ведет и вдохновляет советского человека, хорошо передали многие наши художники на Всесоюзной художественной выставке 1947 года.

Мы признательны им за это.

Однако, сказав «многие наши художники», я тем самым хотел сказать, что со своей задачей хорошо справились не все, и даже далеко не все, вплоть до самых знаменитых и почтеннейших.

Мне думается, что, хорошо поняв творческие чувства и подвиги советских людей, многие художники не смогли их передать с достаточной полнотой, ясностью, достаточно искусно.

Наш советский человек — прост. Это — самый простой, самый демократический человек в мире. Он ненавидит ложь, ему смешна пустая пышность. Он строит свою жизнь среди стойких сердец, среди умов, способных к сопротивлению лжи и обману. Вот почему действия его так вдохновляюще зажигают сердца всех честных людей мира.

Простому советскому человеку дорого простое искусство. Сочетание слов—простое искусство — может показаться странным. Самое слово искусство—значит редкая, замечательно хорошо сделанная вещь, картина, книга или скульптура. Но дело в том, что сейчас слова—простой человек равны словам—искусный человек. Это—искусный работник, инженер, колхозник. Простые люди не приемлют ложь, искусственность буржуазного мира.

Исходя из этого, надо подходить и к задачам искусства.

Если искусство правдиво, скромно и честно, оно всегда победит. Если искусство не умеет ясно передать свои мысли, прячет их, — для такого искусства нет будущего, оно будет казаться лживым при самых суб'ективно-честных намерениях художника.

Приятно отметить, что на выставке 1947 года появилось много свежих, обещающих талантов, которые впервые выставляют свои работы. Это — художники, взращенные нашим советским тридцатилетием. Они интересно и по-новому подходят к изображению нашей действительности. Они великолепно чувствуют эту действительность, прекрасно передают ее.

Вот перед нами—Волга, радостные лица колхозников, невдалеке — обоз... Все это овеяно поэзией, теплотой, удовлетворением, с которым художник смотрит на мир. Это картина К. Максимова «Сдача хлеба государству», картина кисти настоящего художника с колоритом, с рисунком. Или вот снежное поле, лыжники, веселая и шумная молодежь. Это правдивая, сочная и настоящая живопись Т. Яблонской—«Перед стартом». Затем глаз ваш останавливается на могучих фигурах советских людей, работающих в кузнице, освещенной блеском раскаленного металла. Обстановка простая, деревенская, но сколько радости и уважения к этой обстановке, где крестьяне исправляют инвентарь своего колхоза! Это картина Д. Тегина «Колхозная кузница».

Когда я вспоминаю Тараса Шевченко, впервые появившегося у художника К. Брюллова (картина Г. Мелихова), я отчетливо помню чувства, которые понял, ощутил. Я помню смущение на лице Тараса Шевченко, помню восхищение и удивление К. Брюллова...

Очень высокого идейного и художественного достоинства картина художника В. Орешникова «В. И. Ленин на экзамене в университете». Правильный рисунок, выразительность без какой-либо принужденности. А самое главное—громадное чувство свободы, ума, гениальности, переданное в основной фигуре картины — в Ленине! Перед вами приход вождя нового общества. Экзаминаторы чувствуют его силу, не совсем еще понимая ее. Их поражают знания, ум, смелость, задор молодого Ленина, но и, кроме этого, они смутно чувствуют, каждый по-разному, приближающиеся массы людей, охваченных общим трепетом, одушевленных, идущих к одной цели. Движение этих масс пугает их, приводит в смятение, ведь новый мир так далек от них, так странен... Но как близок, как близок этот новый мир Ленину! Какое великое и высокое вдохновение на его лице!

Вот где настоящая живопись, искусство, сила настоящего художника! Вот где краски поют песнь жизни и творчества, песнь нового общества! Несомненно, картина «В. И. Ленин на экзамене в университете» займет почетное место в советской живописи и будет иметь блестящий успех. Такая живопись близка и дорога нам.

Но мне чужды гектары ржи, которые мне показывает художник А. Герасимов. Разумеется, я знаю, что это наша колхозная рожь, и я очень рад, что у нас такой отличный урожай, но это сведения скорее агрономические, чем художественные. Здесь нет чувства. Рожь стоит стеной, но только стена эта—между мной и художником. На прошлой выставке была картина А. Пластова «Сенокос». И я, и многие зрители, конечно, хорошо помнят эту картину. Было то же русское небо, что и над рожью А. Герасимова, и лето, и воздух русский. Но по земле шел советский человек, он шел во время войны, — стар и млад, — косил траву, косил с усилием, с трудом, с напряжением, недоедая, плохо одетый. Я видел это напряжение чувств и воли советского человека, я восхищался им, я им гордился. Чем мне здесь гордиться у А. Герасимова? Плохо положенными красками? Плохим рисунком? Зритель видит много полотна, но не видит жизни. Жизнь далека от этой ржи. Почтенный замысел получил слабое выполнение, художник не искал,—а художник ведь хороший.

Неподалеку—картина П. Кончаловского «На полдни». Сюжет простой, быть может, даже и встречавшийся у других художников. Пруд, большие деревья, в пруду купаются дети, а на лугу, пронзительно зеленом, коровы.

Картина по размерам громадная. Деревья написаны чуть ли не в натуральную величину. И здесь громадность размеров оправдана, и не только оправдана, но и необходима. Художник открыл окно в мир, и мы увидели в этом простом сюжете наш сегодняшний мир, полный довольства, блеска и солнца. Светом, радостью и весельем жизни наполнен каждый миллиметр картины! Это—то спокойствие мирного труда, которое завоевано Октябрем, Великой Отечественной войной, всеми тридцатью годами советского строительства, хотя там, на картине, нет никаких надписей и никаких флагов. Глядя на эту картину, я думал, что перед нами настоящее открытие.

По-новому, с новой силой, открыт русский пейзаж! И открыт он не с какими-то там вывертами и замысловатыми подходами, а взят обыкновенный русский пейзаж, где-то в Подмосковье, и показан с простой и великой любовью к своей Родине, которая в эти дни поднялась на вершины такой славы и мощи, какой не было в ее истории еще никогда. Я нахожу в этом заслугу художника и его победу.

Осматривая выставку, с удивлением и сожалением обнаруживаешь, что из поля зрения наших художников совершенно выпали некоторые, весьма важные, темы современности.

Почти не затронута тема социалистической промышленности, в частности, послевоенной пятилетки. Есть пять-шесть полотен, посвященных этой теме, но они теряются среди других картин, да и эти полотна преимущественно разрабатывают эффекты освещения и не показывают людей. Большие мастера уделили все внимание, главным образом, колхозной тематике. Это превосходно; советское крестьянство давно тосковало по вниманию художников. Однако нельзя забывать, что сельское хозяйство смогло победить и собрать богатый урожай благодаря нашей индустрии, благодаря пятилеткам.

Мало портретов рабочих и крестьян. Художники в основном пишут портреты людей из среды художественной интеллигенции, словно забыв о существовании рабочей и колхозной интеллигенции, передовиков нашей социалистической промышленности. Напрасно! Это, помимо того, что расширило и обогатило бы наше искусство, расширило и обогатило бы и опыт самих художников, приблизив их к темам, интересующим широкие круги народа, к темам из жизни рабочего и колхозника.

Советский строй имеет всемирно-историческое значение. Его прогрессивные идеалы близки сотням миллионов людей всевозможных национальностей и рас. Борьба за эти идеалы, провозглашенные Октябрем, партией Ленина—Сталина, создала своих героев, свои легенды, создала огромное движение рабочего класса, крестьянства, части интеллигенции в странах капитализма. Борьбу демократических сил против мировой реакции должны показать советские художники.

Советские писатели плодотворно разрабатывают эту тему. Таковы заграничные стихи В. Маяковского, стихи Н. Тихонова, романы И. Эренбурга, пьеса К. Симонова «Русский вопрос» и многое другое. Я думаю, что наши художники, подобно писателям, имеют все возможности испытать свои силы на международной тематике.

Хочется сказать несколько слов о скульптуре С. Коненкова «Освобожденный человек». О скульптуре этой писали мало, а, между тем, она достойна внимания—к сожалению, не достоинствами своими, а недостатками.

Вы видите гиганта, который рвет цепи. Голова этого колосса запрокинута назад. В каком-то неистовом ослеплении шагает он вперед.

На заре нашей советской жизни, в 1917—1919 гг., мы видели на обложках советских книг колосса с разорванными цепями! Этот символ был дорог нам тогда, дорог и теперь.

Присмотримся же внимательнее к «Освобожденному человеку» С. Коненкова.

Прежде всего поражает анормальная непропорциональность частей тела. Длиннейшие руки и ноги, чудовищной толщины. Туловища почти нет. Это едва ли не скат с четырьмя раздутыми щупальцами. Голова запрокинута так далеко назад, что лицо трудно рассмотреть. Телесный цвет фигуры делал бы ее совсем отвратительной, и потому художник смягчил впечатление, позолотив ее. Так как выражения лица не видно, то не знаешь—смеется ли над вами этот человек, угрожает ли вам, или просто в каком-то бешеном, непонятном для вас восторге бежит мимо вас?!

Кем, как и от чего освобожден этот человек? И что это за человек?

Если мы подумаем, что эта уродливая, чудовищно раздутая фигура символизирует советского человека, освободившегося тридцать лет назад от цепей капитализма, то подобное представление покажется и оскорбительным и неправдоподобным.

А, между тем, фигура эта экспонируется на выставке, которая должна отобразить 30-летие Октября!

Предположим, что скульптор не хотел изображать советского человека, а изобразил освобождение человека «вообще». Но тогда нужно отнести замысел художника ко временам доисторическим, скажем, к каменному веку. Однако скульптуру не направили в Исторический музей, да и там фигура вряд ли могла бы быть выставлена, поскольку она противоречит законам анатомии. Остается одно: фигура эта символизирует освобождение человека от уз современного империализма за рубежом.

Но я не думаю, чтоб с подобным толкованием своего освобождения и своей революционной борьбы мог согласиться французский рабочий, греческий партизан, солдат Народно-освободительной армии Китая. Ни для кого подобный символ, относящийся к временам «модерна» 1907—1911 гг., не может быть убедительным и приемлемым сейчас. Он оскорбителен для трудового, борющегося, прогрессивного человечества.

В газете «Труд» (№ 2 за 1948 год) писатель В. Некрасов пишет:

«Освобожденный человек» — произведение явно формалистическое, для нас неприемлемое. И все-таки мы не проходим мимо этой скульптуры равнодушно, что-то привлекает в ней наше внимание. Что же? Размеры? Позолота? Нет. Идея и чувство, вложенные художником в свою работу. И выражены они столь сильно, что пробиваются к зрителю даже сквозь неприемлемую форму и заражают нас, несмотря на принципиальное отрицание нами выбранных художником изобразительных средств».

Мне не хочется быть резким, но я вынужден заметить В. Некрасову, что у него весьма зыбкие принципы, если, будучи принципиальным противником формализма, он все же оказывается под полным воздействием этого действительно формалистического произведения, отражающего влияния декаданса. Редакция «Труда», с ее шаткими позициями в области литературы и искусства, выступает вместе с В. Некрасовым на защиту формализма. Идеи и чувства, видите ли, «пробиваются» к зрителю...

Неправильно, от начала до конца, все построение фигуры «Освобожденного человека», неправильно название. Это—не освобождение! И это—не человек! А тем более—не человек нашей эпохи. Об этом надо говорить прямо, без экивоков и без «освобождения формализма», как это делает «Труд».

С. Коненков — большой и разнообразный скульптор. Он создал и создаст еще прекрасные творения. Такому большому художнику нужно и следует говорить большую правду. Разговор идет о правде — о настоящих путях в искусстве советского народа, путях высокой идейности, о путях нового общества, смело идущего к заветной мечте человечества, к коммунизму!

Павел ШУБИН.

Демократическому правительству Греции

Вольного народа депутаты —
Маркоса отважные солдаты,
Виноделы, пахари, стрелки;
Созданные словно из гранита
Горцы и каменотесы Крита,
Голубых Салоник моряки!

Ваше дело правое, святое,
Мы вам салютуем, люди боя,
Ваш огонь не потушить в золе!
Дело мира — дело нашей чести,
Хорошо, что движемся мы вместе
К самой светлой правде на земле!

Народное правительство Свободной Греции

Премьер-министр и военный министр — генерал Маркос. Член ЦК коммунистической партии Греции. Родился в 1906 году в селе Тасия, Костомону-Пафлаганийской области Турции, в семье учителя. В конце 1923 года переехал с семьей в Грецию. В 1924 году вступил в комсомол. В последующие годы вел руководящую комсомольскую, профсоюзную и партийную работу в различных городах Греции. В 1938 году был арестован и заключен в концентрационный лагерь, откуда в мае 1941 года совершил побег. Сразу же после этого Маркос приступил к организации народного сопротивления в Македонии и одним из первых ушел в горы для формирования частей ЭЛАС. Он показал себя отличным командиром и стратегом.

В октябре 1946 года генерал Маркос взял на себя руководство верховным штабом демократической армии Греции.

* * *

Заместитель премьер-министра и министр внутренних дел Яннис Иоаннидис— секретарь Центрального Комитета коммунистической партии Греции. Он родился в 1900 году, в бедной семье. С 1917 года активно участвовал в рабочем движении и в 1928 году вступил в ряды греческой компартии. В 1932 и 1936 годах избирался депутатом парламента.

Будучи членом политбюро коммунистической партии Греции, много работал по организации движения национального сопротивления.

* * *

Министр иностранных дел — **Петрос Руссос.** Родился в 1907 году в деревне Ганос, в Восточной Фракии. Ребенком вместе с семьей эмигрировал в Одессу. В 1923 году 16-летним юношей возвратился в Грецию и с первых дней приезда принял деятельное участие в революционной борьбе греческого народа. Член коммунистической партии Греции с 1925 года. Один из организаторов и руководителей движения народного сопротивления и ЭЛАС.

* * *

Министр юстиции — **Милтиадис Порфирогенис.** Член политбюро ЦК компартии Греции. Родился в селе Агриа, около Волоса. Начиная с 1925 года принимает непосредственное участие в борьбе греческого народа. По профессии адвокат. В 1932 и в 1936 годах был депутатом парламента. С августа 1936 года по апрель 1941 года находился в концлагере. В начале немецкой оккупации бежал из заключения на остров Крит, где стал организатором движения народного сопротивления. В 1943 году Порфирогенис переехал в Афины, а оттуда ушел в горы. Там он сделался секретарем Центрального комитета ЭАМ.

Порфирогенис — член совета международной организации демократических юристов.

* * *

Министр народного здравоохранения и социальной политики, временно исполняющий также обязанности министра просвещения, — **Петрос Коккалис.** Родился в 1896 году. Окончил медицинский факультет в Берне. В 1929 году стал доцентом медицинского факультета афинского университета и директором клиники, а в 1935 году — профессором. В 1939 году был избран председателем греческого общества хирургов, а в 1946 году — членом исполнительного комитета Международного союза хирургов. В апреле 1944 года, по призыву ЭАМ, Коккалис уходит в горы и, несмотря на серьезную болезнь сердца, занимает место в первых рядах народных борцов. Профессор Коккалис — беспартийный.

* * *

Министр финансов — **Ханис Бардзотас.** Родился в 1909 году в Ларисе. Окончил Высшую финансовую школу. Еще с юношеских лет посвятил себя борьбе за народные права. В 1931 году вступил в ряды коммунистической партии Греции. Во время диктатуры Метаксаса руководил борьбой молодежи против антинародного режима. В 1937 году брошен в концлагерь. В 1943 году был освобожден из заключения войсками ЭЛАС. В последние годы руководил борьбой в Афинах против монархо-фашистов.

* * *

Министр национальной экономики и временно исполняющий обязанности министра снабжения — **Леонидас Стрингос.** Родился в г. Эласа на Кипре. Начиная с 1922 года, активно участвовал в борьбе за освобождение Кипра от британского ига. Ряд лет был директором газеты «Ризоспастис». Стрингос — один из руководителей аграрной партии Греции, входящей в ЭАМ.

УКРАДЕННОЕ ЗОЛОТО

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Очередной гангстерский фильм в постановке Уолл-стрит на тему об американской помощи европейским странам.

ПРЕДАТЕЛИ

МИСТЕР САРАГАТ

А. МАРЬЯМОВ.

Год назад в газетных телеграммах из Италии начало довольно часто мелькать это имя. О новоявленном итальянском деятеле говорилось обычно так:

«Изменник Сарагат сказал...»

«Предатель Сарагат совершил поездку...»

Момент, с которого началась такая широкая и недвусмысленная известность Джузеппе Сарагата, можно определить довольно точно.

10 января 1947 года Сарагат сделал картинный адвокатский жест и произнес фразу, достойную Юлия Цезаря:

— Я сделал свой выбор.

Этот жест и эта фраза означали, что Джузеппе Сарагат решился открыто изменить итальянской социалистической партии, к которой он формально принадлежал на протяжении двадцати пяти лет. «Выбор», сделанный им, означал также, что Сарагат подобрал себе хозяина и, сообразив, «чего барин изволит», решил предать интересы своего народа и расколоть социалистическую партию именно в тот момент, когда закладывались основы подлинного Народного фронта в Италии и крепло сотрудничество между социалистами и коммунистами.

Американскому барину такое сотрудничество не было угодно, и Сарагат понял это совершенно отчетливо.

Он заговорил на таких высоких нотах, что вблизи слышался лишь нестерпимый визг; но Сарагату нужно было, чтобы его услышали за океаном и чтобы там поняли, что на него можно вполне положиться.

И он этого добился.

В конце минувшей осени его призвал к себе, допустил к ручке и одобрительно похлопал по плечу идеологический оруженосец американской реакции мистер Рандольф Херст младший.

После этого свидания, состоявшегося в Риме, херстовские писаки получили приказание от хозяина писать о Сарагате, как о «надежде Италии» и «оплоте демократии».

Сам же Рандольф Херст, отпустив Сарагата, сказал о нем своей супруге и секретарю в привычных выражениях:

— Этот даго мне подходит. С ним можно договориться.

В словаре, толкующем бранные слова американского уличного жаргона, сказано:

«Даго — презрительная кличка, употребляющаяся по отношению к итальянцам».

Несколько лет назад Бюро прикладных общественных изысканий при Колумбийском университете разобрало 185 рассказов, напечатанных в США в восьми журналах с общим тиражом в двадцать миллионов экземпляров. Оказалось, что все добродетельные герои этих рассказов непременно принадлежат к числу американцев англо-саксонского происхождения, а бандиты, шулеры и воры, контрабандисты и пьяницы чаще всего происходят из иммигрантов. Большинство преступников — «даго».

Основной заказчик и распространитель этой «литературы» — мистер Рандольф Херст. И вот именно он, этот духовный глава американских погромщиков, несколько месяцев назад вместе со своей супругой покинул берега добродетельной Америки и бесстрашно высадился в той самой Италии, которую привык описывать, как гнездо злодеев.

Больше того, приняв итальянских репортеров, Херст позабыл все, чему учил своих читателей-соотечественников, и поклялся в вечной дружбе и старинных симпатиях по отношению к итальянцам. В Риме он не погнушался беседой с несколькими итальянскими политическими деятелями. Выбирал он, правда, таких, которые, в свою очередь, не погнушались бы Херстом.

Джузеппе Сарагат пришелся ему по вкусу больше, чем все другие.

— Понятливый даго, — одобрил его Рандольф Херст.

Впрочем, швейцары и лакеи американского посольства в Риме начали говорить так об этом политике еще раньше.

— Этого даго впускать можно, — толковали они между собою, жуя резинку. — Это свой даго. Не иначе, как опять за чеком пришел.

И впускали. Но не кланялись и не лебезили.

Кланялся и лебезил он сам, — «свой даго» в американском посольстве, существо, проверенное и одобренное первейшим знатоком и ценителем черных продажных душ, основатель и лидер так называемой «социалистической партии итальянских трудящихся», — Джузеппе Сарагат.

Его ничто не смущало.

29 ноября 1944 года Сарагат печатно похвалил тогдашнего премьера Бономи и об'явил, что всецело солидаризируется с ним и с его политикой.

30 ноября Сарагата пригласил к себе американский посол.

Выйдя из посольства, Джузеппе Сарагат, не моргнув глазом, об'явил во всеуслышание, что Бономи «губит возрождающуюся Италию», проповедуя единение партий. В поте лица своего отрабатывая полученные доллары, Сарагат доказывал, что Народный фронт в Италии не только вреден, но и невозможен.

На протяжении трех лет он вел двурушническую подрывную политику внутри социалистической партии, но так и не добился успеха. Тогда он об'явил о создании новой, собственной партии.

Лозунги Сарагата оказались настолько «гибкими», что за него охотно подала свой голос даже бывшая королева.

Впрочем, это был один из немногих голосов, собранных Сарагатом.

Недавние демократические выборы в итальянских профсоюзах — то-есть, выборы, где наиболее отчетливо прозвучал истинный голос трудящихся Италии, — принесли партии Сарагата лишь 1,98 проц. голосов.

Тем не менее, нынешний «американский премьер» де Гаспери счел эту партию достаточно представительной и вручил ее деятелям несколько министерских портфелей. Сам Джузеппе Сарагат три недели назад занял пост вице-председателя совета министров.

Обращаясь к правительству, Пальмиро Тольятти сказал по этому поводу с трибуны учредительного собрания:

— Не трудно сделать вывод, что вы ищете социалистов, но таких, которые уже ничего не представляют, потому что рабочий класс их отвергает; вы хотите иметь социалистов, но лишь таких, которые уже отреклись от социализма!..

Джузеппе Сарагат отрекся от социализма уже давно.

В 1926 году Джузеппе Сарагат отправился в Австрию на поклон и на выучку к такому матерому предателю, как Карл Каутский. Сарагату было в ту пору 28 лет. Он получил от Каутского свидетельство о своей «политической зрелости» и горячо заверил злобного дряхлого карлика, призывавшего к интервенции против Советской России, что будет неуклонно следовать за ним.

Это, кажется, единственное слово, которое Сарагат сдержал.

В остальном он всегда двурушничал.

Еще недавно Сарагата описывали, как, «кабинетного отшельника». Какой-то швейцарский журналист изображал его эстетом-затворником, рисуя портрет Сарагата так, словно журналистской рукою водил дух покойного Оскара Уайльда:

«... высокий, стройный, с небрежной элегантностью одетый мужчина, с болезненно бледным от постоянного умственного напряжения лицом...»

Другой восхищался:

«Сарагат умеет сослаться не только на Маркса и Гегеля, но и на Гете, Леопарди, Толстого, Иоганна Баха...».

Еще бы! Такой не только на кого угодно сошлется, — он, предавая, способен здоровьем матери своей поклясться в любви и верности тому, кого обрекает на смерть.

Вырвавшись на политическую арену, Джузеппе Сарагат совершенно переменился.

Недавний «бледный отшельник» тараторил теперь без умолку на бесчисленных собраниях и митингах. Он способен был выступать в один день трижды в трех различных городах. Утром он говорил в Ферраре, днем выступал в Ардженте, вечером его слушали на митинге в Ченто.

И опять он визжал, поднимаясь до самых высоких нот, — чтобы эхо докатилось до Уолл-стрит, — о том, что добрый генерал Маршалл протягивает Италии руку помощи, а коммунисты мешают ему, Сарагату, лизнуть эту руку.

Июнь прошлого года был в Италии трудным и неспокойным.

Гостиницы крупных итальянских городов наводнили американские «обследователи». Закинув ноги на мраморные столики ресторанов и кафе, поглядывали на прохожих итальянцев американские солдаты. В Неаполитанском заливе гигантскими серыми утюгами высились корпуса кораблей американского военного флота.

В городах вспыхивали забастовки, и улицы заполнялись потоком рабочих демонстрантов.

Из-за угла раздавались предательские провокационные выстрелы фашистов, называющих себя то куалюнкуистами, а то и прямо фашистами.

Джузеппе Сарагат не выступал тогда перед демонстрантами, не клеймил фашистов. В разгар грозных событий он предпочел показаться хозяевам и лично убедить их в том, что он готов служить им, не щадя никаких усилий.

Он улетел в Америку.

На следующий день после того, как его самолет приземлился в Нью-Йорке, Джузеппе Сарагат уже выступал на с'езде профсоюза дамских портных в Кливленде. Здесь он уверял, что Италия, по его, Сарагата, мнению, нуждается в американской помощи. Он назвал точную цифру. «Нам нужно два миллиарда долларов в течение четырех лет».

Он выступал на всевозможных обедах. На одном из этих обедов ему задали вопрос:

— Как вы относитесь к программе Маршалла?

Джузеппе Сарагат даже захлебнулся.

— Принимаю, — воскликнул он. — Принимаю без всяких оговорок.

Пять недель кряду он захлебывался, лебезил и стлался под ноги своим хозяевам. Вернувшись в Италию, он стал еще словоохотливее.

Осенью 1947 года он начинал все свои речи с восхваления плана Маршалла, потом обливал грязью коммунистов.

— Речь Тольятти, — кричал он теперь, — вызвала у меня отвращение...

Это была его служба.

О том, что это действительно была его платная служба, стало широко известно итальянскому народу. В газеты попало письмо, посланное Сарагату вторым секретарем его партии Фаравелли.

«Если вы хотите, наконец, получить эти доллары, — так начиналось это недвусмысленное, циничное и энергическое письмо, — то необходимо немедленно покончить со всякими прокоммунистическими настроениями...»

О, они уже хорошо усвоили, за что можно получать доллары от босса. Нужно трудолюбиво обманывать народ, обливать коммунистов клеветою и грязью, попирать память павших в борьбе за освобождение Италии, своими руками намыливать веревку, которую империалисты с Уолл-стрита хотят накинуть на горло Италии.

Что же, разве не делал этого Сарагат?

«Почему я не хочу вступать в правительство?» — озаглавил он свое очередное выступление. Но говорил в этом выступлении снова и снова о том, что коммунисты мешают доброму мистеру Маршаллу накормить рабочих Милана и портовиков Неаполя.

«Почему я решил войти в состав правительства?» — называлось выступление Сарагата неделю спустя. Но говорилось в нем все о том же: о кознях Пальмиро Тольятти и об ангельской доброте Джорджа Маршалла.

Однако «босс» становился скуповат. Потока слов становилось для него недостаточно. Потому что Сарагат болтает, а коммунисты получают все больше и больше голосов, и влияние их все возрастает.

«Если вы хотите получить доллары», — писал Фаравелли. Проклятое «если»... Но дальше Фаравелли давал своему шефу советы практические. По его словам, Сарагату следовало обратиться к бывшему военному губернатору Рима, американскому полковнику Полетти, с тем, чтобы окончательно договориться о создании «коммерческого общества по импорту товаров, на которые не требуется лицензий».

Это был вернейший путь к желанным долларам. Спекуляция? Но ведь люди, подобные Сарагату, не брезгливы. У них есть пословица: «деньги не пахнут».

Фаравелли писал о том, что некий Монтана уже «заручился в этом деле помощью посла США в Риме мистера Данна». Хвастаясь перед шефом, Фаравелли называл Данна своим «личным другом».

Письмо, впрочем, ничего нового к биографии Сарагата не прибавляло.

И без того всем давным-давно было уже известно, что партия Сарагата представляет не «итальянских трудящихся», но американских империалистов.

Но пока происходит мышиная возня в среде всевозможных сарагатовцев и им подобных, пока предатели грызутся из-за подачек и делят центы и пенсы, — на защиту демократии поднимается подлинная народная сила. Уже состоялось учредительное собрание Народного фронта.

Об'единение сил итальянского народа настолько обеспокоило Гарри Трумэна, что он сбросил маску и об'явил во всеуслышание, наплевав на суверенитет Италии:

«США должны будут принять меры для сохранения мира и безопасности, если создастся угроза независимости и безопасности Италии...»

Мир уже видел, как Гарри Трумэн защищает независимость Греции. Теперь корабли с американской морской пехотой крейсируют в виду итальянских берегов.

Но Джузеппе Сарагат, словно бы не замечая всего происходящего, талдычит то, что ему велено:

«Если Италия не будет участвовать в плане Маршалла, она обречена на голодную смерть...»

И еще откровеннее, чем прежде:

«Бесполезно толковать о независимости после катастрофы, которая нас постигла...»

Так высказывается он теперь, — уже не как политический оратор, лишенный государственных полномочий, а как член кабинета, занимающий вице-председательское кресло.

Хозяин подписывает очередной чек и хлопает Сарагата по плечу. А Джузеппе Сарагат подобострастно улыбается, низко кланяется, пытаясь определить, сколько стоит эта хозяйская похвала.

АМЕРИКАНСКАЯ ФОРТУНА

(греческий вариант)

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА.

Американская «помощь» греческим монархо-фашистам связана с усилением зверского террора в Греции. За американскую «помощь» надо платить. Трумэн поставляет доллары, Софулис — трупы.

Страна рабства и очаг расизма

И. ЗВАВИЧ

1. Три документа

Документ первый — билет на концерт в городском театре Иоганнесбурга — крупнейшего горнопромышленного центра Южно-Африканского союза. Выдан за № 15.809. Кресло в партере: 9-й ряд, 6-е место; дата — 23 мая 1947 года. Стоимость билета — 12 шиллингов 6 пенсов. Налоги взысканы. Просьба пред'являть билет при входе и выходе контролеру. Билет, как билет, ничего особенного. Но всматриваемся пристальнее. Две надписи: «Только для европейцев». «Дирекция оставляет за собою право не впускать в зал».

Кого же это намерена не впускать в зал дирекция театра в Иоганнесбурге? Дирекция намерена не впускать в зал «цветнокожих». «Цветнокожими» считаются негры, то-есть подавляющее большинство населения Южно-Африканского союза. К «цветнокожим» относятся индийцы, китайцы и другие иммигранты из Азии, привезенные белыми горнопромышленниками в Южную Африку в качестве дешевой рабочей силы.

Документ второй — трудовое свидетельство негра-раба. Город Иоганнесбург. Надпечатка крупными буквами: «Копия туземца». (Оригинал хранится у хозяина). Туземец обязан носить свидетельство при себе. Хозяин расписывается на свидетельстве ежемесячно (иначе оно теряет силу). В случае, если на свидетельстве нет подписи хозяина, туземец может быть задержан властями (полицией).

В документе втором — рубрика для имени отца, другая — для имени вождя «рода», к которому относится обладатель «свидетельства»; третья рубрика содержит указание на размеры подушного налога, уплачиваемого негром-рабом, четвертая — обозначение номера налоговой карточки и так далее, и тому подобное — всего до трех десятков рубрик. Наше внимание останавливает на себе одна из них: «Не должен быть используем на работе в качестве... (место для обозначения вида работы, запрещенной для данного лица законом или по решению хозяина)». И, наконец, следует полный список работ, выполняемых и выполнявшихся обладателем свидетельства, с подписями хозяина, заверенными в полицейском участке.

Документ второй пред'является властям по всякому поводу — при переходе из квартала в квартал, при переезде из города в город, по месту жительства, при поступлении на новое место (если хозяин раба согласился отпустить его), при любом запросе со стороны полиции. Пред'является документ не один, а вместе с другими одиннадцатью документами, которые негр обязан постоянно носить с собой и содержание которых ему не всегда известно, ибо он, как правило, недостаточно силен в грамоте...

Третий документ — регистрационная карточка за номером 187 для «азиатов», обитающих в Трансваале. Имя, возраст, рост, приметы... На видном месте: «Раса». Номер 187 принадлежит к «индийской расе»; этому номеру — 8 лет, справа — отпечаток пальца правой руки. Подпись: «Регистратор азиатов» — Р. Г. Стартсром.

Выходцы из Азии впервые были привезены в Южную Африку в начале XX века. На выборах 1906 года в Англии либералы и лейбористы выпустили избирательные плакаты, изображавшие желтого «кули» в цепях и алчного промышленника, который вел «кули» на веревке; подписи под плакатами гласили: «Законтрактованный труд азиатов создает рабство под защитой и покровительством британских тори». Прошло немногим более 40 лет, и «законтрактованный труд азиатов» пользуется покровительством уже не одних тори, а тех же лейбористов.

2. Один фельдмаршал

Во главе правительства Южно-Африканского союза стоит фельдмаршал Смэтс. Когда-то, в молодости, Смэтс сражался против англичан, партизанил, клялся в своей любви к свободе. Затем капитулировал перед англичанами, заключил компромисс со своей совестью, взял себе в друзья Черчилля и Ллойд-Джорджа. В зрелом возрасте процветал в качестве сторонника Британской империи, был возведен в ранг члена имперского кабинета, участвовал в имперской делегации на Парижской мирной конференции 1919 года, заслужил похвалы консерваторов и ненависть простых людей в Южной Африке, в Англии, в Европе. В качестве делегата империалистов ездил в Венгерскую Советскую Республику в 1919 году, осмотрелся, затаил злобу, посоветовал организовать интервенцию, потопить венгерское революционное движение в крови. К старости стал премьер-министром Южно-Африканского союза, получил титул фельдмаршала и дослужился до титула «старейшего деятеля Британской империи».

Видимо, этот «почетный титул» и дал ему возможность стать одним из застрельщиков разнузданной антисоветской кампании, сигналом к которой в немалой степени послужило фултонское выступление Черчилля. В статье видного индийского журналиста Каранжиа, помещенной во французском еженедельнике «Аксьон», указывается: «Еще в 1943 году Смэтс лично отправился в Лондон, где имел ряд секретных бесед с Черчиллем; он вступил в контакт с Бевином и убедил представителей лейбористской партии в коалиционном кабинете в «необходимости» начать скрытую войну против СССР еще тогда, когда союзники сражались с Германией и Японией».

Призывая на секретном заседании английского парламента 25 ноября 1943 года к созданию англо-саксонского антисоветского блока, Смэтс не пожалел красок для того, чтобы изобразить «бедную и раненую Великобританию» лицом к лицу с «русским колоссом, раздавливающим Европу». Всячески запугивая членов парламента подобного рода «страшными перспективами», Смэтс усиленно сетовал на «аморальность» такой «неравной судьбы» и требовал реальных действий.

Смерть Рузвельта в значительной степени облегчила осуществление планов Смэтса, одобренных Черчиллем. «Влиятельные капиталисты и реакционеры, окружавшие Трумэна, сделали из него игрушку в руках Черчилля и Смэтса, к которым присоединился премьер-министр Канады Маккензи Кинг», — подчеркивает в своей статье не без оснований Каранжиа.

Таково политическое лицо Смэтса.

Много титулов у Смэтса — фельдмаршал, премьер-министр, доктор философии. Он оратор, военный, философ (мракобес), адвокат. Но основная его специальность не совпадает ни с одним из титулов, даже ни с одним из официальных его занятий. Смэтс — приказчик, холуй на жалованье. Его хозяева — рэндлорды — торговцы живым товаром.

В Южной Африке термин «рэндлорды» знаком каждому. «Рэнд» — горный кряж близ Иоганнесбурга, где имеются золотые прииски. «Рэндлорды» — владельцы золота и алмазов, мультимиллионеры, захватившие власть в стране.

Покойный Крюгер, старый президент Трансвааля, опасался «рэндлордов» вообще и главного из них, Сесиля Родса, в частности. Крюгер видел в лице Родса и других «искателей золота» — «уитлендеров», как их называли тогда, угрозу существованию простых людей — белых и черных. Крюгер доверял когда-то Смэтсу; он не раз перевернулся, должно быть, в гробу, пока Смэтс обделывал дела для «рэндлордов».

«Рэндлордам» нужна дешевая рабочая сила для приисков. Зарплата мизерна; условия труда исключительно тяжелы; рабочие лишены самых элементарных человеческих прав. Работают нагишом; подвергаются жестокому и позорному осмотру — не украл ли кто из них крупинки золота. Умирают от жары, от эпидемических болезней, от сырой воды: смертность в Иоганнесбурге — среди туземных рабочих, конечно, не среди белых — одна из самых высоких в мире. На смену умершим привозят новые и новые партии «живого товара» — законтрактованной рабочей силы.

Один из поставщиков «живого товара» — португальское правительство диктатора Салазара, владеющее Мозамбиком. С этим поставщиком ЮАС связан постоянным контрактом на протяжении более чем двадцати пяти лет. Посредник и приказчик — фельдмаршал Смэтс, премьер Южно-Африканского союза.

Другой продавец — мандатные власти Юго-Западной Африки. Они обязаны поставлять «живой товар» в ЮАС. Посредник и приказчик — фельдмаршал Смэтс. Переход Юго-Западной Африки под опеку организации Об'единенных наций мог бы повлечь нарушение контракта. Не лучше ли попросту аннексировать Юго-Западную Африку? Автор проекта об аннексии — точнее, не проекта, а законопроекта, — фельдмаршал Смэтс.

Третий поставщик «живого товара» — британские власти в Гонконге, Шанхае, на Цейлоне. Они продавали «живой товар» — китайских и индийских кули — «на вывоз» в Африку и «на месте», в порту — для работы на судах. «Рэндлорды» были самыми верными покупателями в Гонконге, Шанхае, на Цейлоне. Посредник и приказчик — фельдмаршал Смэтс.

3. Наконец, два министра

Этот министр — бывший, но, может статься, и будущий. Он теперь не у дел, но очень активен. В кабинете Герцога — Смэтса в тридцатых годах он был военным министром. Тогда он возглавлял армию ЮАС. Теперь он возглавляет фашистские отряды «серых рубашек». Его зовут Пироу.

В 1939 году он ездил на поклон к Гитлеру в Берлин, приветствовал его «гитлеровским салютом», был посредником в переговорах между Гитлером и Чемберленом после Мюнхена, сожалел, что переговоры не привели к желаемому для обеих сторон результату. «Не по моей вине», — утверждал Пироу. Пироу называл себя в Кэптауне другом Гитлера и единомышленником Геббельса: он не лгал, хотя вообще Пироу лжив; не лгал, ибо хотел бы превратить Африку в плацдарм для проведения расистских «опытов».

Только недавно Пироу заявил, что ему «удалось» установить дружественные связи с британским фашистским лидером Мосли. Этому удивляться не приходится: Пироу в своем печатном листке «Нью-ордер» (что в переводе означает, кстати говоря, «Новый порядок») называет недавно вышедшую в Англии книгу Мосли «одним из наиболее важных произведений одного из самых ясных политических умов современности». Итак, нацистская кукушка усиленно хвалит фашистского петуха... Впрочем, по сообщению иностранной печати, установление политического контакта между Мосли и Пироу сейчас уже вышло за пределы взаимного обмена платоническими комплиментами и вступило в фазу конкретных переговоров о действиях.

А вот министр нынешний — мистер Лоуренс. Его дело — юстиция. Он возглавляет в Южно-Африканском союзе ведомство Фемиды. Он представлял на Генеральной Ассамблее ООН в 1947 году свое правительство. В созвездии британских адвокатов, защищавших расизм, — Шоукросс — Эватт — Лоуренс — он был звездой последней величины. Но вот, по обстоятельствам дела, и на Лоуренса был наведен прожектор — он предстал перед миром, как защитник расовой дискриминации. Генеральная ассамблея услышала речь Лоуренса. Это была речь фашиста, наглая, самоуверенная. Аргументов в ней не было. Но были выкрики — «долой цветнокожих», «мы в своем доме хозяева», «мы не потерпим у себя глупых теорий равноправия»... Его выступление против магометан было настолько неприлично, что министра пришлось призвать к порядку.

Тем не менее вместе с Лоуренсом голосовал весь англо-американский блок: никому из делегатов блока не было стыдно поддержать режим рабства и расизма.

Адвокаты империализма стыда не имут.

Гитлеровцы во французском „иностранном легионе“

ИЗ ЗАГРАНИЧНОЙ ПОЧТЫ

В американском журнале «Лайф» опубликована статья Роберта Шеррода о французском «иностранном легионе» в Индо-Китае. Легион этот, состоящий из наемников, направлен в Индо-Китай с прочими частями французских войск для подавления аннамитов, сражающихся за свою национальную независимость. Автор статьи, пытаясь придать «романтический ореол» службе в колониальном легионе, вместе с тем, вольно или невольно, выбалтывает весьма любопытные вещи. Так, по его словам, «от 30 до 50 процентов легионеров — это коренастые, дисциплинированные тевтонцы, которые еще не так давно выступали гусиным шагом в частях Роммеля и Кессельринга.. Почти 90 процентов медалей, присужденных солдатам одного из батальонов, были розданы легионерам с немецкими фамилиями».

Из статьи совершенно ясно, что под флагом французского «иностранного легиона» нашли приют и защиту немецкие фашисты, вчерашние гестаповцы, военные преступники. Автор не в состоянии скрыть это. Он пишет: «Послевоенный легион подвергся странной метаморфозе. На каждого человека, вступившего в ряды легиона из-за личных неудач, пришла дюжина людей, желавших скрыться от закона.,. На одной из застав я встретился с сержантом, который сообщил мне, что его разыскивают в Голландии, как военного преступника. Он служил в качестве лейтенанта германской армии под Сталинградом... В другом случае бывший агент гестапо был опознан одним из легионеров».

Под эгидой французских колониальных властей гитлеровские молодчики чувствуют себя в Индо-Китае совершенно свободно. Они нисколько не скрывают своей национальности, говорят на немецком языке распевают нацистские песни и ведут себя в достаточной степени вызывающе. На празднике легионеров, устроенном в Сайгоне, весь этот сброд бесчинствовал и буйствовал целый день, разгуливая по городу и распевая любимую песню эсэсовцев и штурмовиков «Хорст Вессель».

Шеррод пишет, что в легионе он встречал и американских дезертиров и англичан, совершивших преступления на службе в британской армии и ныне скрывающихся. Эта орда профессиональных преступников и фашистских убийц возглавляется французскими офицерами, которые не без основания считают легион наиболее «надежным» средством для подавления национально-освободительного движения в колониях.

Так при содействии и покровительстве французских властей рекрутируются и «тренируются» гитлеровские последыши. Сохраняя свои кадры в Алжире и Индо-Китае под флагом французского «иностранного легиона», остатки разбитой германской армии готовят себя к «возможному реваншу».

Факты без комментариев

ИСК КАНАДСКОГО ФАШИСТА

Главарь канадских фашистов Арканд с двумя своими подручными пред'явил канадскому правительству иск на 737.000 долларов «за причиненный ущерб» в результате якобы «незаконного и необоснованного ареста во время войны». Денежный иск включает потерю заработка за время заключения и возмещение «за моральные переживания».

АМЕРИКАНЦЫ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Каждый год в Сан-Франциско разыгрывается чемпионат на звание «величайшего едока мороженого США». В 1947 году это звание завоевал некий Дюсим Уиллейбл.

Американская печать всячески расписывала подробности прошедшего конкурса. В нем приняло участие более 50 человек. Мороженое имело температуру минус 15° С. Самоотверженный «победитель» лидерствовал до конца, поглотив в течение нескольких минут 5 килограммов мороженого.

АТОМНЫЙ БРЕД

Во французской газете «Фран-тирер» помещено следующее сообщение: «Кратеры на луне являются результатом действия атомной бомбы», — утверждает один научный американский журнал. Автор этого «открытия» предполагает, что речь идет о «следах атомной войны, происходившей очень давно между двумя мирами».

Проповедники антиленинских взглядов на творчество Л. Толстого

Необ'ятно по своему идейно-художественному значению творчество титана русской и мировой литературы — Льва Толстого. Его наследие дорого всему передовому, прогрессивному человечеству. Его гений наложил свой мощный отпечаток на развитие всей новейшей мировой литературы.

Тем более важно подлинно научное, марксистско-ленинское изучение творчества Л. Толстого во всем богатстве, во всей сложности и противоречивости мировоззрения и художественных образов писателя.

В 1901 году в работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса» Ленин писал, что Лев Толстой остается «глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории».

Это было сказано попутно, в одном из примечаний. Всего две строчки. Но они стоили больше, чем горы книг и статей, написанных до этого о Толстом.

Уже здесь, в маленьком примечании, сказался глубокий диалектический подход Ленина к великому писателю, наметилась та оценка сложности и противоречивости его творчества, которая была затем развита в гениальных статьях Ленина о Толстом.

В этих статьях Ленин показал, что кричащие противоречия Толстого — художника, мыслителя, проповедника — «не противоречия его только личной мысли», а отражение сложной, противоречивой эпохи — пореформенной и дореволюционной.

Период 1861—1905 годов был эпохой ломки в России, когда старый крепостнический мир бесповоротно рушился у всех на глазах, а новые социальные отношения только еще укладывались. Вековые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни шли на слом с необыкновенной быстротой.

Ржавые крепостнические цепи сменялись тонкими, «невидимыми», но мучительными путами нового эксплоататорского строя. 1861—1905 годы были эпохой неслыханного, двойного — крепостнического и капиталистического гнета.

Это была «эпоха подготовки революции» (Ленин), могучего роста народно-освободительного движения.

Сила и слабость Толстого отразили силу и слабость, мощь и ограниченность крестьянского массового движения.

«Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого».

Говоря о противоречиях писателя, Ленин не отрывает Толстого-мыслителя от Толстого-художника. Эпоха 1861—1905 гг. «замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении».

Утверждая великое мировое значение творчества Толстого, его трезвого и беспощадного реализма, «срывания всех и всяческих масок», «замечательно сильного, непосредственного и искреннего протеста против общественной лжи и фальши», Ленин в то же время указывает на слабость Толстого, на величайший вред и реакционность толстовской юродивой проповеди «непротивления злу» насилием», проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии».

Всесторонний конкретно-исторический анализ творчества Толстого и его эпохи органически проникнут в статьях Ленина глубокой партийностью. Правильная оценка Толстого, — указывал Ленин, — возможна только с точки зрения пролетариата, передового класса, выступающего вождем угнетенного народа в борьбе за свободу и счастье человечества.

В те годы, когда Ленин писал свои статьи, Толстой-художник был известен ничтожному меньшинству даже в России. «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, — писал Ленин, — нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

В наше время Толстой действительно стал достоянием всех. Миллионы свободных советских людей читают и перечитывают книги великого писателя, автора «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения».

Задача советских литературоведов заключается в том, чтобы помочь миллионам людей разобраться в сложном творчестве писателя, исходя из гениальной ленинской характеристики его творчества.

Как же справляются наши литературоведы с этой задачей?

* * *

Свою книжку «Л. Н. Толстой» * проф. В. Спиридонов начал с того, что привел два известных высказывания Ленина и Горького о Толстом и тут же поспешил заметить: «Следует оговориться: так высоко они ценили его только как художника, а как философа-моралиста они резко критиковали Толстого и учение его они считали реакционным, вредным, для нас совершенно неприемлемым».

Со дня появления первой ленинской статьи о Толстом прошло сорок лет. С тех пор, как над нашей Родиной прошумела великая буря Октября, прошло тридцать лет. Но время ничему не научило профессора. Всю свою книжку он построил на одном тезисе: «В Толстом соединились два начала, две стихии, диаметрально противоположные, совершенно непримиримые между собой»: аристократ, которого влекло по дороге предков, и народолюбец, которого тянуло к мужику. Борьбой этих двух начал «... в значительной степени обусловливался весь ход его жизни и деятельности, — пишет В. Спиридонов. — Эта борьба — ключ к пониманию жизни и творчества нашего великого писателя».

Профессор не видит, что «ключ», который он держит в руках, — старый, ржавый и непригодный.

По Ленину, противоречия Толстого не есть противоречия только его личной жизни. По Спиридонову, как раз наоборот, противоречия Толстого — это и есть именно противоречия его личной жизни.

Все содержание творчества Толстого, его главных произведений В. Спиридонов свел к «самоописанию», «самовыражению» художника. Он отождествил личность писателя и его главных героев. Герои «Войны и мира», — если верить В. Спиридонову,— это сплошь предки Толстого по мужской и женской линии. А роман «Война и мир» — «в известной степени явился апофеозом семьи и семейного счастья», ибо «известно, что Толстой писал «Войну и мир» в период, когда жил замкнуто в Ясной Поляне и наслаждался семейным счастьем».

Впрочем, проф. В. Спиридонов пишет не только о семейных радостях писателя и его героев. Он берется и за более сложные вопросы. Вот, например, как он рассказывает читателю о борьбе между Чернышевским и Толстым в 60-е годы.

Начал, дескать, эту борьбу Толстой, а Чернышевский «долго не хотел открыто бороться с ним». Он даже написал статью о «Детстве» и «Отрочестве». «Этой статьей Чернышевский в известной степени хотел задобрить Толстого, расположить его к себе и «Современнику». Но Лев Толстой на это не поддался.

«Направить внимание Толстого на злободневные темы Чернышевскому не удалось. Толстой и после этой статьи упорно шел своей дорогой, высоко держа знамя художественности».

И дальше все в том же духе. Лев Толстой «высоко держит знамя художественности», а «Современник» во главе с Чернышевским всячески пытается совратить его с пути высокой художественности, пользуется самыми «убийственными оружиями» для этого, травит его заговором молчания и т. д. и т. п.

Для того, чтобы возвеличить Толстого-художника, профессор изобразил Чернышевского чуть ли не интриганом.

Дико и чудовищно встретить в книге, вышедшей в советском издательстве, подобную клевету на лучших представителей русской революционной демократии.

В начале своей книги В. Спиридонов, как мы видели, решительно открестился от Толстого-философа и моралиста, от его реакционного учения. И напрасно: когда прочитаешь всю книгу, видишь, что она находится в трогательном единодушии с толстовской проповедью. Как умиленно рассказывает профессор о смерти Ивана Ильича, который умер «просветленным», поняв, что основа жизни — любовь! Как сочувственно рассуждает В. Спиридонов о толстовской проповеди «воздержания» и аскетизма в «Крейцеровой сонате»!

* * *

Проф. Н. Гусев лично знал Толстого. У него есть несомненные заслуги, как у биографа. Но этого кажется Н. Гусеву мало. Он выступает и в качестве авторитетного специалиста по общетеоретическим вопросам, связанным с творчеством Толстого, выпускает книги с указаниями «в помощь лектору» — как надо понимать и трактовать творчество Льва Толстого в целом и в частности, когда речь заходит об отдельных произведениях.

В книжке «Лев Николаевич Толстой», выпущенной Управлением лекционной пропаганды в Москве в 1946 году, Н. Гусев не только старательно замазывает слабые, реакционные стороны писателя, но любуется и умиляется ими. В творчестве Льва Толстого последнего периода Н. Гусев усматривает три главные линии, первая — критика существующего строя; вторая — возвеличение русского трудового народа, преимущественно крестьянства; третья — «показ внутреннего перерождения человека, который старается критически относиться к себе, отрекается от своей прошлой жизни, начинает новую жизнь, сообразно с своими нравственными требованиями». Что остается от настоящего, действительного Толстого в такой передаче?

С точки зрения Гусева, в творчестве Льва Толстого нет никаких противоречий. Был, по его мнению, цельный писатель—бодрый, мужественный, прогрессивный, не наделенный ни одной реакционной чертой. И в подтверждение своей, с позволения сказать, концепции Н. Гусев пытается опереться на... Ленина! Говоря о ленинских статьях о Толстом, «исследователь» конструирует удивительный монтаж из ленинских цитат, весь испещренный многоточиями, призванными скрыть антиленинскую сущность взглядов Гусева.

«В. И. Ленин в ряде своих статей дал марксистский анализ миросозерцания Л. Н. Толстого. «Его мировое значение, как художника, — писал В. И. Ленин в статье «Л. Н. Толстой», — его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции». Ленин видит в произведениях Толстого «...горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви...»; «...непреклонное отрицание частной поземельной собственности...»; «...непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма...»

Как видим, Н. Гусев старательно «препарирует» ленинские цитаты с единственной целью: скрыть все те характеристики Ленина, которые говорят о противоречивости Толстого и о реакционных сторонах его мировоззрения и творчества.

Ленин писал:

«С одной стороны — замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши,— с другой стороны, «толстовец», т.-е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». Но Гусев не хочет этого слышать. Он старательно зажимает уши, когда речь заходит о реакционной стороне Толстого. Мало того, он, не смущаясь, проделывает с ленинскими цитатами всевозможные махинации так, что остается только подивиться ловкости его рук.

* * *

В 1943 году в журнале «Под знаменем марксизма» (1943 г., № 3) появилась статья профессора В. Асмуса «Вопросы реализма в эстетике Льва Толстого».

Две главные «мысли» легли в основу этого теоретического исследования.

1. Реакционные взгляды Толстого не могут нисколько снизить ни глубины его эстетических суждений, ни глубины толстовского реализма.

2. Отделить Толстого-проповедника и морального доктринера от Толстого-художника очень легко.

«Религиозно-моральная тенденция Толстого, — вещает профессор В. Асмус, — так же не может умалить значение и ценность выработанных вопреки этой тенденции, эстетических идей и понятий о реализме, как не может умалить художественную силу, красоту и искренность «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира» доктрина о непротивлении злу насилием, зародыши которой можно обнаружить в мышлении Толстого уже в то время, когда писались эти произведения, а частично (?) даже в самом их содержании (образ Платона Каратаева в «Войне и мире»)».

Никакого труда не представляет, — говорит В. Асмус,—«отделение в суждениях Толстого об искусстве того, что связано с ограниченностью моральной доктрины, от того, что есть результат глубокого проникновения гениального художника в сущность искусства».

А раз так, то изучение эстетических взглядов Толстого — вообще пустяковое дело: следует только предварительно отделить, вернее, просто отбросить реакционные взгляды Толстого, которые, по мнению Асмуса, совершенно не умаляют Толстого-художника.

Любопытно, что статья В. Асмуса была встречена сочувственно. И кем же? Да все тем же Н. Гусевым, который, пользуясь любезностью журнала «Новый мир» (1943 г., № 7—8), авторитетно заявил в своей рецензии на статью Асмуса: «Автор исходит из совершенно правильного положения о том, что эстетические взгляды Толстого могут быть рассматриваемы независимо от его морального учения». Эту свою рецензию Н. Гусев закончил словами:

«Статья В. Ф. Асмуса представляет серьезную попытку исследования эстетических воззрений Л. Толстого. Эта статья может послужить основой для дальнейших обстоятельных и плодотворных исследований в этой области».

Умилительная картина! В. Асмус, забыв о Ленине, вопреки всему смыслу и духу ленинских работ, извращает творчество Льва Толстого, а Н. Гусев одобрительно похлопывает Асмуса по плечу. Оба они попросту решили отбросить ленинские статьи. И устами Гусева было об'явлено, что отправной точкой для исследования реализма и эстетики Толстого является антиленинская статья Асмуса.

* * *

Величие Льва Толстого иные исследователи начинают искать как раз в том, что являлось его исторической слабостью, что носило реакционный характер.

Говоря об образе полководца Кутузова, как он нарисован Толстым в «Войне и мире», литературоведы этого типа только дружно повторяют слова о «поразительном образе Кутузова, глубоко соответствующем народным представлениям о вожде русской армии» *, не видя того, что автор наделил великого русского полководца и чертами пассивности, каратаевщины, фатализма и т. д. Они говорят только о «весьма плодотворном влиянии Толстого на советский исторический и социально-психологический роман» (тезисы М. Шишкевич, напечатанные вместе с лекцией Н. Гусева в упоминавшемся издании), — но не считают нужным сказать, что именно из традиций толстовского исторического романа является для советской литературы ценным и важным, а что должно быть преодолено. Не случайно и то, что Платон Каратаев в изложении этих критиков выглядит совершенно равноправным среди других образов героических защитников нашей Родины в годы Отечественной войны 1812 года.

«Народ в романе «Война и мир» — пишет М. Шишкевич в той же книжке, — охарактеризован в образах простых солдат (Платон Каратаев и другие), офицеров (Тушин, Тимохин, Василий Денисов, Николай Ростов, Долохов), в суждениях одного из основных героев романа князя Андрея Болконского».

Образ Платона Каратаева представлял собой ложную схему, имевшую очень мало общего с реальным русским крестьянством, выдвинувшим таких бунтарей, как Емельян Пугачев, Степан Разин, Болотников. Образ Каратаева был связан с увлечением Толстого философскими концепциями пассивизма и фатализма. Советский исследователь, который поднимает на щит Каратаева, об'являя его реальным выразителем героизма русского народа, грубо извращает историю, героическое прошлое русского народа.

* * *

Лев Толстой — национальная гордость нашего народа, величайший из художников мира. Его творчество представило собою шаг вперед в художественном развитии всего человечества. И он не нуждается в фальшивом подкрашивании, в замазывании слабых, реакционных сторон его учения и художественного творчества.

Забвение ленинских принципов, искажение — откровенно циничное и стыдливо-либеральное — облика Льва Толстого стало у некоторых литературоведов своеобразной «традицией».

Идеализация реакционных взглядов Толстого встречается в ряде работ. Разоблачение этой вредной апологетики — одна из важных задач нашего литературоведения.

* Проф. В. Спиридонов. «Л. Н. Толстой». Гослолитиздат, 1948.

* Л. Гинзбург. «О романе Л. Толстого «Война и мир». «Звезда» № 7. 1944.

В Москву, по приглашению ВОКС, прибыли деятели искусств Болгарии.

4 января в зале имени П. И. Чайковского состоялся первый концерт болгарской симфонической музыки. Исполнены были произведения известного болгарского композитора Панчо Владигерова — основоположника болгарского симфонизма. В концерте П. Владигеров выступил не только как автор блестящих произведений, но и как дирижер и пианист.

Произведения П. Владигерова были исполнены симфоническим оркестром Всесоюзного радиокомитета.

На снимке: Панчо Владигеров дирижирует оркестром.

Фото А. ВАТАНОВА.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Безграмотный Дед-Мороз

На-днях я побывал на новогодней елке в Колонном зале Дома союзов. При входе гостям-школьникам были вручены красиво оформленные обращения Деда-Мороза.

Предполагается, что Дед-Мороз — не иностранец, а грамотный русский дед. Но, читая обращение, начинаешь в этом сомневаться.

На празднике, кроме мальчиков, было и много девочек. Но дед, по слабости зрения, что ли, не заметив их присутствия, говорит в своем новогоднем послании: «Гордись, мой сын!». Невежливо, дедушка!

«Не огорчай меня и своих родителей плохими отметками», — просит Дед-Мороз. Однако большое огорчение доставил нам сам Дед-Мороз, который в коротком послании ухитрился допустить четыре синтаксические ошибки.

Но больше всего поражает стихотворная концовка:

Живи, учись, гордись, мой сын,
Что ты советский гражданин.
И, в жизни выбрав путь,
Вездe — в сраженьи и труде,
Всегда — и в счастьи и в беде —
Об этом не забудь.

Я уже не говорю о «красочности» слога и «богатстве» рифмы этих стихов. Главное — не по-русски это написано! Можно «нигде» и «никогда» не забывать, но не забывать «везде» и «всегда» — этого мне еще не приходилось слышать.

Дед-Мороз оказался явно неграмотным дедом, которому самому следовало бы поучиться.

На оборотной стороне листовки (тираж—100.000!) я с удивлением прочел: «Литературные тексты — С. Михалков, Е. Благинина, А. Пурцеладзе, О. Симанчук».

Ловкий, однако, Дед-Мороз, если смог провести четырех бдительных стражей, приставленных специально к «литературным текстам»!

Ученик 9-го класса.
46-й школы г. Москвы
Е. ПОЛИКОВСКИЙ.

В. БУТУСОВ

«Специалисты» по низкопоклонству

Характер и своеобразие русской литературы нельзя понять, не учитывая ее взаимодействия с устной народной поэзией. Великие русские писатели высоко ценили поэзию народа и пользовались ее сокровищами. Между тем, некоторые ученые «специалисты» рассматривают связь художественной литературы и устной поэзии с ошибочных, ложных позиций.

Известно утверждение М. Азадовского о том, что интерес Пушкина к творчеству русского народа был вызван... влиянием идей, проникающих в Россию с Запада.

Азадовский не одинок в своих заблуждениях. В сборнике «Песни русских поэтов» (редакция, статьи и комментарии И. Розанова) проф. Розанов утверждает: «Если сравнить количество песен (Пушкина. — **В. Б.**), являвшихся подражанием русскому фольклору, с количеством песен, навеянных чужим фольклором, то окажется, что вторых значительно больше». Следовательно, «русской песенной лирике Пушкин уделял сравнительно мало внимания».

Путем внешнего арифметического подсчета тем и сюжетов исследователь искажает творческий облик Пушкина, умаляет значение русской народной поэзии для его творчества.

Проф. В. Пропп в пространной статье «Специфика фольклора» * фактически утверждает невозможность изучения народного творчества. Народная поэзия, говорит он, «акт мало изученных форм сознания». В этой поэзии «поступают так, а не иначе, не потому, что так было в действительности, а потому, что это так представлялось по законам первобытного мышления». «Это мышление и вся система первобытного мировоззрения должны быть изучены. Иначе ни композиция, ни сюжеты, ни отдельные мотивы не смогут быть поняты». Так как первобытное мышление, очевидно, кажется профессору непостижимым, то и народное творчество переходит в разряд непознаваемого.

Художественную литературу проф. Пропп об'являет продуктом «иного», «высшего сознания». Таким образом, проф. Пропп отгораживает ее от народного творчества непреодолимой стеной. Для народной поэзии оказываются неприменимыми методы исследования, принятые для изучения литературы. Художественный опыт поэтического творчества народа изымается из сферы литературоведения.

За последние 8—10 лет вопросы истории и теории устного поэтического творчества народа почти не освещаются на страницах широкой печати. Статьи по этим вопросам изредка появляются в изданиях Академии наук СССР и в «Ученых записках» Московского и Ленинградского университетов. Эти статьи рассчитаны на ограниченный круг «специалистов» и поражают своей крайней схоластичностью, предельной оторванностью от насущных вопросов современности.

Единственно возможным способом историко-литературного изучения народной поэзии об'является формальный анализ сюжета, композиции, мотива и утверждение их «независимости» от «внеэстетического» ряда, то-есть от реальной действительности.

Работа В. И. Чичерова «Традиция и авторское начало в фольклоре», напечатанная в № 2 журнала «Советская этнография» за 1946 год, сводит на-нет богатство содержания народного творчества. В. Чичеров пишет: «В пределах фольклора произведения об'единяются по сюжетным схемам... по типовым разработкам сюжета... и по вариантам...»

Можно ли так об'единять художественные произведения?

Следуя на поводу у буржуазных ученых, В. Чичеров, так же как В. Пропп, умалчивает о социальных истоках мифологии и религии и случайные признаки мифа выдает за его сущность.

На этих глубоко реакционных предпосылках основано отождествление мифа и поэзии, признание мифотворчества источником устной поэзии народа. Отсюда и теория непознаваемости народной поэзии.

Сборники фольклора, которые иногда издает Государственный литературный музей, чрезвычайно низки по своему художественному уровню.

Возьмем, к примеру, сборник «Фронтовой фольклор», составленный в 1944 г. В. Крупянской под редакцией и с предисловием М. Азадовского.

В «исследовании», предпосланном этому сборнику, составитель исходит из тех же антинаучных теорий, по которым поэтическое творчество народа об'является «переделкой» или «переосмыслением» старого.

В качестве примеров фронтовой песенной лирики составительница сборника приводит образцы «популярнейших песен фронтовой молодежи», вроде: «За три года в армии вся любовь забудется», или преподносит «творческую историю» песни о молодом парне, позабытом девушкой.

В качестве «мудрых» народных выражений публикуются: «машина системы Рено имеет две скорости: «тпру» и «но» (лошадь); «ласкательное прозвище советского ястребка—«Яшка-приписник». Или: «На бой итти нужно, как к невесте». Нет нужды приводить все перлы этого сборника, выдаваемые за «фронтовой фольклор».

В статье С. Минц «Фольклор Великой Отечественной войны в московских архивах» ** все, созданное устным творчеством народа за время Великой Отечественной войны, об'является переделками «популярных песенных жанров типа «Землянка» и «Синий платочек», «осовремениванием старых песен», «импровизацией старого», «перелицовкой на новый лад» старых лирических песен.

В 1918 году В. И. Ленин говорил о «прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция» (Собр. соч., XXII, стр. 376).

Устная поэзия нашей страны выросла, возмужала и превратилась в мощное оружие социалистической культуры, утверждающей бессмертные идеи Ленина—Сталина. Ее главные темы — патриотизм, сознательное отношение к труду, прославление новых, особенных черт в характере советского человека. К этой поэзии совершенно неприменимы методы компаративного литературоведения, а взятая как материал для изучения — она несет отрицание этих методов.

Между тем, подлинно научное обобщение художественного опыта устной поэзии народа, разработка проблем ее истории и теории, публикация лучших ее творений— все это далеко не удовлетворительно.

Научно-исследовательский институт мировой литературы имени А. М. Горького за все время своего существования не издал ни одной работы, посвященной истории и теории народного творчества. Фольклорная секция Союза советских писателей СССР, руководимая проф. И. Розановым, влачит жалкое существование. Секция фольклора при Институте этнографии Академии наук СССР (руководитель проф. П. Богатырев) превратилась в узкий, оторванный от жизни кружок самообразования. Изредка появляющиеся в печати работы членов этой секции (В. Чичеров, С. Минц) отмечены худшими недостатками сравнительно-исторического метода.

Совершенно ясно, что подобное положение продолжаться не может. Вопросы истории и теории народного творчества должны занять подобающее им место в работах научно-исследовательских институтов. Правление Союза советских писателей СССР и его литературно-художественные журналы также не могут стоять в стороне от этих проблем. Внимание широкой советской общественности к этим вопросам обеспечит их успешное разрешение.

* См. «Труды юбилейной научной сессии». Ленинград. 1946 г.

** См. «Советская этнография», изд. Академии наук СССР, № 2, 1946 г.

Ю. СЕРГЕЕВ

ЛИБЕРАЛЬНОЕ НЕДОМЫСЛИЕ

Книга Н. Анциферова о Тургеневе входит в популярную серию «Русские писатели», издаваемую Литературным музеем. Популярность не освобождает автора от ответственности за точность формулировок, ясность характеристик, последовательность анализа.

Увы!—чтение книги убеждает в полном отсутствии всех этих необходимых качеств.

Вот как изображается, например, отход Тургенева от революционно-демократического лагеря редакции «Современника». «...В недрах «Современника» образовалось два идейных лагеря — либеральный и революционный... Либеральный лагерь защищал идею искусства для искусства. Лагерь революционных демократов — идею искусства для прогресса... Казалось бы, творческий путь Тургенева, литературная деятельность которого была связана с выполнением аннибаловой клятвы, обязывал его примкнуть к группе Чернышевского. Тем не менее автор «Записок охотника», не разделяя теории «искусства для искусства», все же не примкнул к Чернышевскому и Добролюбову, сохраняя дружеские связи с их противниками».

Когда Авдотья Панаева в своих мемуарах описывала отход Тургенева от «Современника», как результат только личных отношений сотрудников журнала, это было понятно и извинительно. Но когда автор современной научной книги о Тургеневе об'ясняет один из острейших моментов идеологического размежевания в лагере шестидесятников дружескими отношениями Тургенева с одной из сторон, — это наивность, быть может, и умилительная, но недопустимая.

Понимая, видимо, популярное, как упрощенное, Н. Анциферов излагает с детской наивностью серьезные вопросы. Чего стоит хотя бы его обоснование права Тургенева на имя романиста-историка.

Вместо того чтобы об'яснить, в чем значительность и своеобразие изображения современности в романах Тургенева, чем вызвана непоследовательность, а иногда и прямая ошибочность его оценок, Н. Анциферов заключает главу о романах эдаким рассуждением:

«Можно ли назвать Тургенева романистом-историком? Он вполне заслужил право на это название. Теперь мы должны, конечно, критически пересмотреть оценки нашего замечательного писателя-романиста. Однако такой пересмотр нисколько не умаляет и в глазах нашего поколения прав Тургенева на название романиста-историка. Ведь труды ученых историков его времени подлежат не менее строгому пересмотру».

Это заключение так и просится в учебник логики в раздел задач, называемых «Найдите ошибку в силлогизме» (Тургенев ошибался в своих исторических оценках. Ученые-историки тоже ошибались. Значит, Тургенев имеет право называться историком).

Анализ романа «Дым» связывается с анализом «Нови» пассажем, вполне выдержанным в духе либеральных пособий по словесности прошлого века: «Но вот дым, который застилал глаза Тургенева, казалось, рассеялся, как утренний туман; наступил новый день. И Тургенев увидел новь, которая зазеленела на родной почве». «Друг мой Аркадий, не говори красиво», — сказал бы по поводу этого один из героев Тургенева, вероятно, известный Н. Анциферову. В характеристике романа «Новь» господствует полное смешение всех понятий. «Чернышевский уже написал свой роман «Что делать?» (еще в 1886 г.) (?!—**Ю. С.**), в котором показал, как новые люди живут и как они действуют. Путь был указан. Тургеневу оставалось по-своему показать в условиях нового исторического дня на конкретном образе, как действует новый человек...» «Тургенев в образе Соломина вывел тип западника, считавшего неизбежным и необходимым для России путь капиталистического развития. Но это уже западник нового склада, это— западник-демократ в буржуазном понимании этого слова. Его новая черта — он ориентируется на Америку...» «Тургенев в своем новом герое Соломине, сочетающем постепенность с революционным движением, отразил нового человека России, но отнюдь не свой собственный идеал».

Таким образом, демократ буржуазного типа, «ориентирующийся на Америку», отождествляется Н. Анциферовым с революционными демократами, героями романа Чернышевского. При этом Н. Анциферов характеризует Соломина, как «образ нового человека России», не замечая, что Тургенев в нем идеализирует либерального постепеновца. Если добавить, что переврана дата написания романа Чернышевского (1886 вместо 1863), то картина путаницы в разборе романа «Новь» будет достаточно полной.

Не менее поразительны рассуждения автора по поводу исторической тематики у Тургенева. «В особенности часто привлекал Тургенева XVIII век своим утонченным вкусом, столь диалектически противостоящим мещанской культуре Франции...»

«...общение с образами этой культуры восполняет те утраты, которые нес с собой деловой и суетный XIX век». Деловой и суетный — не правда ли, какая научная и вместе с тем какая популярная характеристика века декабристов, Герцена, Чернышевского!

Путаница в разборе повести «Степной король Лир» достигает пределов, которые не могут не вызвать возмущения читателя. «Для Тургенева Шекспир был источником его раздумий над жизнью, и образы Гамлета, Макбета, Ричарда III и Лира сделались для Тургенева символами, через которые он познавал современную ему жизнь». Оказывается, не русская действительность, не русская общественная среда, не русская история были источниками творчества Тургенева, а вечные образы Шекспира! Излагая вслед за тем содержание «Степного короля Лира», Н. Анциферов заявляет: «С исключительным искусством русский автор вправил шекспировский сюжет в усадебный быт степных помещиков...»(!!!) Так-таки и написано: вправил!

Книга Н. Анциферова — поистине музейный экспонат теоретической беспомощности и либеральной путаницы.

Н. Анциферов. «И. С. Тургенев», 2-е дополненное издание. Государственный литературный музей, Москва, 1947 г., 68 стр.

А. ЛИТВАК

Растрата доверия

«Мы — нижеподписавшиеся...» Традиционное начало договора, по которому принимают на себя взаимные обязательства две стороны... Если вам попадется договор между бумажным комбинатом и заводом Министерства машиностроения и приборостроения, знайте, что слова: «Мы — нижеподписавшиеся» обязывают только одну сторону. И эта сторона — заказчик, бумажный комбинат.

Заводы Министерства машиностроения и приборостроения с некоторых пор утеряли ответственность за выполнение договоров. Руководителям предприятий, подведомственных министру тов. Паршину,—тт. Поляку, Дворядкину, Горбачеву, Зотову и Сухопарову кажется, что они вольны в своих действиях и ни за что не отвечают. Иначе трудно об'яснить то пренебрежение к государственной дисциплине, которое сложилось в отдельных звеньях Министерства машиностроения и приборостроения и наглядно иллюстрируется приказами и письмами, исходящими от... самого министерства.

В прошлом году появился документ, где указывалось: «Согласно распоряжения министра об увеличении поставки бумагоделательного оборудования и запасных частей к нему... приказываю». И вслед за этим «приказываю» шел подробный перечень — какому заводу, что и как изготовить. Подпись — начальник главка Остапчук.

Проходили месяцы и все чаще поступали жалобы и запросы с тех предприятий, которые в договорах именуются: «Заказчик»... Деталей привода для четвертой бумажной машины Кондровская фабрика не получила. Было три «категорических», — но безрезультатных — указания заводу имени Л. М. Кагановича в Днепропетровске... Заводу имени Артема в Нижнеднепровске предстояло выполнить важный и ответственный заказ, от которого зависел пуск шестой машины на фабрике «Герой труда». Но директор машиностроительного завода тов. Поляк решил взять потребителя измором... Тов. Поляк усвоил в работе стиль, несовместимый с высоким званием советского хозяйственного руководителя. Он действует по давно осужденному методу менял: «Даешь мне—дам тебе». В письме на имя министра целлюлозной и бумажной промышленности от 10 июля 1947 года (№ 12-02-512) тов. Поляк осмелился потребовать... десять сборных стандартных домиков, — без этого он никак, дескать, не способен приступить к выполнению заказа.

Тот же завод имени Артема потребовал: дайте вагон леса и два вагона кровельных материалов, чтобы настлать крышу над цехами, без чего трудно, мол, выполнять заказы... Доставил потребитель и лес и кровлю. Артемовцы благосклонно приняли дание. Но как только над головой тов. Поляка появилась крыша, поставщик почувствовал, что над ним не каплет, и к выполнению обязательства не приступил.

Московский завод деревообделочных станков, получив заказ на модели, необходимые для изготовления машин Камского и Ингурского бумажных комбинатов, потребовал от бумажников 200 кубометров модельного леса. Лес привезли, но моделей заказчик все же не получил. Оказалось, что модельный лес пошел... на достройку своего цеха, а не на выполнение принятого, обусловленного договором, скрепленного подписями заказа.

На что это похоже? Кто утвердил рыночные приемы во взаимоотношениях потребителя и поставщика? Как может мириться с подобными фактами министерство? Почему пренебрежение к государственной дисциплине безнаказанно сходит с рук? Вот знакомый уже нам тов. Остапчук — бывший руководитель Главбумдревмаша, нынешний заместитель министра — пишет директору завода имени Л. М. Кагановича тов. Дворядкину:

«Учитывая важность и обязательность исполнения заказа на поставку запасных частей для Минбумпрома и решения министерства по этому вопросу, предупреждаю вас...» Далее следуют громы и молнии и в заключение: «Исполнение доложите».

Тов. Дворядкин в ус не дует, молчит, не докладывает... Из министерства идет новое послание: «Примите меры к форсированию данного заказа».

Тов. Дворядкин молчит. Из министерства тогда идет третье словоизвержение: «Напоминая вам еще раз о важности...»

И опять без толку, ибо у тов. Дворядкина своя точка зрения и он упорно придерживается ее, наперед зная, что зам. министра тов. Остапчук сложит в конце концов беспомощно руки на груди.

В нашей стране машиностроение справедливо называют основным рычагом народного хозяйства, сердцевиной тяжелой индустрии. Это звания почетные, обязывающие! Кто, по-вашему, товарищи из Министерства машиностроения и приборостроения, будет изготовлять машины? Бумажники будут сами их создавать? Строители займутся этим делом? Угольщики сами себя снабдят?

В первые дни нового года мы ведем разговор о бумажниках и машиностроителях. Но это не частный разговор об одной, случайной группе заказчиков и поставщиков. Это разговор о святости государственного плана, о стиле работы, об уважении подписи под договором. Это — напоминание, которое необходимо сделать в новом году и металлургам, и машиностроителям, и угольщикам, и лесникам. Прочтите опубликованные недавно новые обязательства металлургов Кузнецка и Магнитки в третьем решающем году пятилетки, и вы найдете там требования, обращенные к угольщикам, железнодорожникам, строителям. Каждая отрасль народного хозяйства обязана помогать другой, строго выполняя свои обязательства, свято соблюдая государственную дисциплину. Вот почему сегодняшний разговор о бумажниках и машиностроителях — это напоминание о том, что взаимоотношения с соседями, зависящими от тебя, нельзя строить на беспринципности, торгашестве, вымогательстве.

У нас подписям доверяют, и те руководители, которые не уважают своих подписей, очевидно, лишены чувства долга и ответственности. Директор, хозяйственник, руководитель, который без уважения относится к собственному слову, постепенно растрачивает доверие и может потерять его полностью.

Письмо в редакцию

О двух традициях

Всякий честный медик присоединится к письму проф. Х. Х. Планельеса, опубликованному в «Литературной газете» 3 января 1948 года по поводу варварских «экспериментов» американских врачей, прививавших дизентерию заключенным в тюрьме. (См. «Литературную газету» от 3 января 1948 г.). Испытуемые фигурировали под фарисейским названием «добровольцев». Нетрудно понять, какова степень этой «добровольности»! Немецкие фашисты еще не так давно тоже делали подобные эксперименты, правда, отбрасывая фиговый листок «добровольчества», и цинично производили самые зверские опыты на пленных мужчинах, женщинах и детях.

Когда перед русским ученым вставал вопрос о проверке научных данных на человеке, он не хлопотал о предоставлении ему для опытов заключенных, ему не приходила в голову мысль использовать человеческую нужду. Ученый ставил опыт на себе самом, сознательно рискуя своей жизнью.

Основоположником этой самоотверженной традиции был выдающийся русский ученый—врач Григорий Николаевич Минх (1836—1896).

В 70-х годах прошлого века была открыта спирохета—возбудитель возвратного тифа, но оставался нерешенным важный вопрос о способах передачи этого тяжелого и распространенного заболевания. В частности, надо было выяснить, заразительна ли кровь возвратнотифозного больного.

И вот Минх 25 апреля 1874 г. привил себе кровь возвратнотифозного больного и тяжело заболел. В своей крови он обнаружил спирохеты.

Минха посещал друг его, известный одесский врач Осип Осипович Мочутковский (1845—1903). Он уговаривал больного лечиться, но Минх категорически отказался, заявив, что его обязанность—изучить болезнь «в ее нормальном течении»; он лежал с высокой температурой, держа подмышкой градусник, а в руках записную книжку и вел наблюдения за своим состоянием.

Вскоре ученый опубликовал результаты своего самоотверженного опыта (журнал «Московский врачебный вестник» № 1, 1874 г.). Но он умолчал о том, что это был за опыт!.. Минх писал, что он нечаянно поранил себе предплечье стеклянной трубкой, в которой содержалась кровь возвратнотифозного больного.

Вскоре после героического эксперимента Г. Н. Минха подобный же опыт провел на себе О. О. Мочутковский, а после него в 1881 г. И. И. Мечников. Все они сильно переболели.

Работами этих трех самоотверженных русских ученых был окончательно установлен важный факт заразительности крови больного возвратным тифом.

И. И. Мечников неоднократно проводил на себе подобные опыты. В 1892 г. он выпил культуру «холерной запятой» с целью доказать заразительность холеры, которая тогда многими оспаривалась.

Ныне здравствующий крупнейший советский микробиолог, почетный академик Н. Ф. Гамалея, будучи молодым врачом, решил в 1886 г. опровергнуть нападки реакционеров на чудесный пастеровский метод. В ряде стран находились люди, утверждавшие, что прививки против бешенства, введенные Пастером, заражают и губят людей. Судьба всего пастеровского метода висела на волоске. Н. Ф. Гамалея первый в истории медицины привил себе вакцину против бешенства и тем самым доказал ее полную безвредность. Его примеру вскоре последовал другой одесский врач И. Ю. Бардах. Характерно, что ни Пастер, ни его помощники во Франции, да и никто из западноевропейских ученых не решался на подобный опыт, который в то время считался очень рискованным.

Подобными примерами богата история нашей отечественной медицины. Опыты на себе проводили наши выдающиеся микробиологи Д. К. Заболотный, И. Г. Савченко и многие, многие другие русские ученые.

Советские медики продолжают героическую традицию лучших представителей русской медицины.

Самоотверженные опыты по испытанию противочумных вакцин проводили на себе проф. М. П. Покровская, проф. Н. Н. Жуков-Вережников и другие советские исследователи.

Представители прославленной школы советских паразитологов, руководимой акад. Е. Н. Павловским, постоянно прибегают к опытам по самозаражению. Так, например, надо было выяснить, содержится ли заразное начало клещевого возвратного тифа в крови песчанки. И проф. Н. И. Латышев привил себе кровь этого грызуна. Он перенес тяжелую форму возвратного тифа.

Можно было бы привести еще десятки таких имен советских микробиологов, инфекционистов, паразитологов. Наши медики высоко держат знамя подлинного гуманизма, и им отвратительны такие проявления бесчеловечного фашистско-американского отношения к людям, о которых говорит в упоминаемом выше письме проф. Планельес.

Ю. МИЛЕНУШКИН,
зав. кабинетом истории микробиологии и эпидемиологии Ин-та бактериологии, эпидемиологии и инфекционных заболеваний Академии медицинских наук СССР.

КОРОТКО О КНИГАХ

1. В. СТРЕЛЬЧЕНКО. «СТИХИ». «Советский писатель». 1947 год, 133 стр.

Вышла книга стихов Вадима Стрельченко, молодого поэта, павшего смертью храбрых в боях за Москву в 1941 году.

Стихи Стрельченко стали появляться в наших журналах до войны. Голос нового поэта звучал свежо и чисто.

Но пока стихотворения Стрельченко рассеивались по журналам, мы не улавливали того, что каждое из них было отголоском большой, единой темы. Обнаружилось это лишь теперь, когда стихотворения слились в книгу. Вдруг полностью зазвучала тема! Тема дружбы.

Что бы ни видел поэт, все вызывает у него представление о друзьях. То в одном, то в другом стихотворении появляется убранный стол, хозяйка, ожидающая гостей. Вот стоит на базаре корзина. Хорошо бы друзьям рассесться вокруг нее! Вот зеленеют листья, поют птицы... Весна? Сколько бы ни прожил поэт весен, он будет «с друзьями дружить и жить».

Почти нет стихотворения, в котором не говорилось бы о дружбе. Но вдруг вы замечаете, что Стрельченко не называет ни одного имени—

Учителя, любившие меня!
Прохожие, дававшие огня!

Стрельченко написал книгу о той дружбе, которая об'единяет людей нашей страны, о новом советском чувстве товарищества.

Вот он видит мачту.

Выструганная руками друзей,
Мачта голая
Волжского парохода.

С совершенной естественностью, как говорят о том, что само собой разумеется, Стрельченко называет друзьями тех, кто выстругал мачту. Это люди труда, и они поэтому близки и дороги ему.

Стрельченко стал приглядываться к миру как поэт, в те годы, когда проводились в жизнь первые сталинские пятилетки. В эпоху этих пятилеток как раз слагались те отношения между людьми в нашей стране, которые были определены, как морально-политическое единство советского народа. Это политическое и моральное единство Стрельченко воспринял, как великую дружбу.

На примере Стрельченко можно еще раз установить, как важно для поэта иметь свою тему, знать, что хочешь сказать. Когда образы, сравнения, эпитеты, краски и мысли поэта бегут по струне единой темы, они приобретают особенную яркость: «хлопок и рис... эти нежные стебли труда».

Если бы Стрельченко не был проникнут пониманием того, что человек благодаря труду преобразует природу, то у него не родился бы такой смелый образ, в котором самое понятие природы заменено понятием труда.

Дело не в отдельных удачах поэта — их много. Дело не в слабостях — их тоже много. Все это отступает на задний план перед основным. Основное то, что такая книга могла быть написана только советским поэтом.

Ю. ОЛЕША

2. Н. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ. «ОТ КУЛЬДЖИ ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ И НА ЛОБ-НОР». Вступительная статья Э. Мурзаева, Географгиз, 1947 год, 154 стр.

Книга представляет собою отчет Н. М. Пржевальского о его путешествии в Восточный Тянь-Шань и Лоб-Нор.

В книгу включены также личный дневник великого путешественника и его отчет о пути по Джунгарии. Текст снабжен примечаниями и картами.

Включение дневника придает книге живой и взволнованный характер. Мы читаем не только описание путешествия, но и исповедь путешественника.

Книга кончается расставанием Пржевальского со «странническим посохом».

«Грязь на всех нас была страшная, в особенности у меня, так как по несколько раз в день и в ночь приходилось мазаться дегтем с салом, чтобы хоть немного унять нестерпимый зуд. От подобной мази белье пачкалось страшно, штаны были насквозь пропитаны дегтярным салом. Холода стояли страшные, 5 суток сряду ртуть в термометре замерзала. В юрте ночью без огня мороз доходил до 26°. И на таком холоде, в грязи приходилось проводить ночи наполовину без сна. Мерзлой мазью, в темноте и морозе 5—6 раз в ночь нужно было мазаться».

В таком состоянии находилась экспедиция в конце тяжелого путешествия. Но дневник Пржевальский кончает словами: «Прощай же, моя счастливая жизнь, но прощай ненадолго...»

Потом он пишет: «Перерыв, но не конец дневника».

Следующие путешествия Пржевальского показали, до какой степени он не исчерпал своих сил.

Книга Пржевальского рассказывает о трудности и о счастье подвига.

Места, в которых он бывал, до него были описаны Марко Поло. Марко Поло рассказывал о городе Лоп, находящемся в начале великой пустыни, но он не упоминает об озере.

Пржевальский открыл озеро Лоб-Нор и хребет Алтын-Таг за озером. Озеро оказалось пресным; между тем, китайские географы указывали местопребывание озера севернее и говорили, что оно соленое.

После Пржевальского вопрос о Лоб-Норе вставал много раз.

Ученик Пржевальского П. К. Козлов дополнил работу Пржевальского: он нашел старое русло реки Конче-Дарьи. Местные жители называли его Курук-Дарья, что значит песчаная река. Скоро оказалось, что Лоб-Нор движется. В 1923 году произошло возвращение реки Конче-Дарьи в старое сухое русло. Оказалось, что реки Средней Азии «кочуют», что великий путешественник застал страну в момент ее изменения.

То, что произошло в Средней Азии, мы в стране Советов делаем сознательно — по плану, возвращая реки в их старые русла.

Точно записывая виденное, Пржевальский помог человечеству разгадать историю великого края; он помогает нам строить будущее.

Книга полна интересных подробностей. Замечательно описывал Пржевальский перелет птиц, охоту, людей.

Такую книгу хорошо иметь в библиотеке, иметь ее у себя для того, чтобы перечитывать много раз, снова и снова прикасаясь к истории труда и подвига русского человека.

В. ШКЛОВСКИЙ.

И. ФРОЛОВ

Выслушайте разведчиков недр!

1.

Вы знаете этих людей, читатель, с опаленными солнцем, обветренными лицами, с крепкими нервами и твердой, неторопливой походкой. Вы, наверное, видели их на улицах далеких городов, на перронах вокзалов, пристанях и аэродромах. Они в пыльных сапогах или стоптанных подкованных ботинках, в ватных телогрейках и выцветших куртках, с туго набитыми рюкзаками, с неизменными полевыми сумками через плечо.

Они по-домашнему располагаются в вагоне, забивая купе ящиками, тюками, чемоданами.

Вы узнаете этих скитальцев, искателей тайных сокровищ земли. Они возвращаются из экспедиций — из Кара-Кумов, со снежных отрогов Памира и из далекой Якутской тайги. Они везут в свои тресты, управления и научные институты свежий запас наблюдений, плотно исписанных полевых дневников, геологических карт, чертежей и целые тонны коллекций и проб. Зимой они будут изучать эти камни под микроскопом, анализировать пробы, писать отчеты и определять запасы новых месторождений.

Долгие месяцы, а иногда и целые годы проводят они в палатках, в землянках, под звездами, ветром, дождями. Никто из них не сетует на тяжелую жизнь изыскателей: такая жизнь не без основания пленяет молодых и старых.

Есть неотразимая власть в бесконечных дорогах: в горных вьючных тропах, где пропасть начинается у самого лошадиного копыта; в передвижении на утлых барках по быстринам таежных рек...

С годами плен романтического бытия переходит в привычку, в принадлежность профессии: производственный план, научная сторона экспедиции преобладают над всем остальным, и человек идет навстречу любым лишениям и препятствиям.

Большую радость приносит эта работа. Вот опытный глаз следопыта находит едва уловимые признаки металла. У исследователя дрожат руки. У него напрягается зрение, мысль. И вот, наконец... Белый кварц, и в кварце какие-то красные, синие, черные кристаллы...

И он не спит целую ночь. В шорохе осторожного зверя на болоте, в крике ночной лесной птицы ему чудятся уже звуки, голоса, картины города будущего...

Не пройдет и года-двух, как на горе поднимутся копры первых шахт, застучит перфоратор, белые лампы загорятся на столбах, раздастся музыка радиопередачи, и по улице нового поселка, взявшись за руки, с песней пройдут малыши.

За годы советской власти возникло много рудников, комбинатов, вокруг которых выстроились большие города. Они начинались одинаково.

И первым сюда приходил все он же, человек с рюкзаком — наш, советский геолог.

Так начинала свою славную историю огромная индустриальная Караганда. Еще сжималось вокруг молодой республики кольцо грозной блокады, а профессор Гапеев с мешком сухарей за плечами на подножке товарного эшелона отправлялся в Караганду. А из Хибин экспедиция Ферсмана докладывала советскому правительству об открытии мировых залежей апатитов... И в Соликамске геолог Преображенский, ошеломленный богатством земли, бурил свои скважины на калийных солях...

Так закладывались кирпичи пятилеток...

2.

Успехи последних лет ставят нашу молодую геологическую науку на голову выше науки служителей доллара. Мы вправе гордиться достижениями наших геологов, заново открывших недра великой нашей страны.

Русская геологическая мысль не шла слепо от Бюффона, фон-Буха, Гумбольдта и Зюсса. Ее зачинало гениальное предвидение Михаила Ломоносова, проявленное им в сочинении «О слоях земных» и опередившее взгляды всех его современников. Не турнэ иностранных наемных геологов по России помогало нам познать нашу страну — созидалось это познание полувековыми трудами патриарха русской геологии Карпинского и всей плеяды друзей и соратников его — Обручева, Мушкетова, Павлова, Чернышева, Федорова, Лутугина, Краснопольского... Традиции этих корифеев продолжало поколение учеников, достойное своих учителей: Архангельский, Шатский, Гапеев, Усов, Наливкин, Смирнов, Заварицкий, Григорьев, Ферсман, Сатпаев.

В годы трех пятилеток и в эпоху великих сражений — армия геологов всегда готова была к новым большим походам. Ее великая заслуга достойно оценена правительством, предоставившим недавно ряд преимуществ и льгот работникам геологии, начиная от рабочего и кончая руководящими кадрами. Народ окружил работу геологов почетом и признанием. Нам нужно больше угля, металла, нефти, строительных материалов! Надо выполнить пятилетку в четыре года! Большой социалистической индустрии требуется большая геология... Понимают ли это все те, кому это положено?

Новое месторождение разведали геологи Скворцов и Большаков. Они блестяще работали всю войну. Своей работой они внесли неоценимый вклад в науку: доказали, что в Казахстане редкие металлы надо искать, применяя совершенно иные методы, не похожие на прежние, методы, открытые только здесь и заставляющие пересмотреть все прежние каноны.

Мы много говорили с геологом Скворцовым. Ему не терпелось применить новые методы поисков на новых об'ектах. Он мечтал снова проверить все ранее забракованные месторождения в Казахстане.

Желания геолога Скворцова были скромны до предела: он требовал минимума — лишь грузовика, легкого станка, передвижного компрессора.

И тем не менее, он этого не получил.

Истекшим летом случай снова свел меня в Карагандинской степи с геологами Коунрада: они отправлялись смотреть месторождение, где обнаружили следы выщелоченного металла. Геологи ехали с пустыми руками. У них не было ничего, кроме молотков и рюкзаков. И мне, писателю и инженеру, стало обидно за них, за наше общее большое дело...

3.

Закон о пятилетнем плане продиктовал геологоразведке новые требования.

Мы говорили с работниками научно-исследовательских институтов, с геологами и начальниками экспедиций, только что вернувшимися с поля.

Они жаловались на то, что автомашина «ГАЗ-67» слишком медленно внедряется в практику геологоразведочной службы. Начальники партий сетовали на отсутствие легкоподвижных тележек к автомашинам, необходимых для быстрейшего передвижения оборудования в полевых условиях. Изыскателям зачастую приходится прицеплять к автомашинам... обыкновенные крестьянские телеги.

Геологи вполне законно недоумевают, почему в геологической разведке не применяются канавокопатели, широко распространенные в дорожном строительстве и в мелиорации? Почему на разведке россыпей не вводятся несложные механизмы для промывки — взамен допотопных лотков, колод или бутар?

Министерство геологии предпринимает шаги к преодолению отсталости геологических работ. Начато изготовление буровых станков новейшей конструкции, которые сочетают в себе последние достижения советского станкостроения. Этим станкам предстоит произвести полный переворот в технике бурения колонковых скважин.

Однако это только первые шаги, это только лишь начало нового широкого похода за новое техническое оснащение геологической службы.

Как реагируют на потребности и запросы Министерства геологии ведомства, которые призваны помогать геологам?

К сожалению, иногда приходится отмечать невнимательность транспорта к грузам экспедиций.

Геологи нуждаются в автомобилях. Правительство щедро отпускает им транспортные средства. Но как получает Министерство геологии эти машины?

Министерству автомобильной и тракторной промышленности (министр тов. Акопов) неоднократно предлагалось ускорить поставки автомобилей для Министерства геологии. Распоряжения не были выполнены.

Геологические партии не могут обойтись без крепежного и строительного леса. Министерство геологии должно было получить 1073 вагона лесных материалов. Об отгрузке леса было дважды отдано распоряжение начальнику Главснаблеса при Совете Министров СССР тов. Лопухову—12 августа и 24 ноября. Тов. Лопухов 2 декабря приказал отгрузить 240 вагонов. Но и эти 240 вагонов геологи не получили. К 15 декабря 1947 года Министерство геологии получило лишь 17 вагонов.

Можно еще также рассказать о заводе Министерства электропромышленности, где директор тов. Сафонов. Это предприятие из квартала в квартал, из года в год срывает поставку кабеля для Министерства геологии. Для производства геологоразведочных работ требуются дизельмоторы «С-80». Челябинский завод им. Кирова (директор тов. Зальцман) не счел для себя обязательным распоряжение о поставке дизелей и к 19 декабря отгрузил всего лишь одну треть того количества, которое было занаряжено Министерству геологии...

По расчетам Министерства, геологическая служба страны будет к концу текущей пятилетки вооружена новейшей техникой. Вооружить всю огромную армию геологоразведчиков новой техникой — это значит производить тысячи приборов, агрегатов, станков, которые сегодня выпускаются еще в единицах. Вооружить всю огромную армию геологов — это значит освоить новую технику, т. е. научить инженеров, буровых мастеров, наблюдателей, рабочих пользоваться ею. До конца пятилетки осталось не три, а два года! Наше время стремится вперед и вперед, грохоча поездами новых магистралей, дымя терриконами новых шахт, полыхая огнями все новых и новых рудников, городов, электрифицированных колхозов. В этом стремительном беге советского времени все ответственнее и почетнее вырисовывается роль разведчиков наших богатств. Они идут впереди всех других, прокладывая путь нашему индустриальному завтра.

Дайте же все нужное для них, тт. Акопов, Лопухов, Зальцман, Ковалев, Сафонов и другие товарищи!

Сделайте безотлагательно, сегодня, сейчас!

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

На состоявшемся 8 января пленарном заседании президиума Академии наук СССР был заслушан доклад академика Н. Г. Бруевича о плане научно-исследовательских работ Академии наук на 1948 год.

Будут продолжены работы по составлению истории СССР, истории Великой Октябрьской социалистической революции. Особо важное место в плане занимают проблемы марксистско-ленинской философии.

По отделению литературы и языка план предусматривает завершение труда, посвященного развитию учения о языке. Заканчивается составление грамматики современного русского языка и грамматики тюркских языков. Будут продолжены работы над созданием капитальных трудов по истории русской литературы, критики и фольклора.

КАЗАНСКАЯ ТЕТРАДЬ ЛЕРМОНТОВА

Лермонтоведение обогатилось ценной находкой. В прошлом году Институт литературы (Пушкинский дом) приобрел в Казани тетрадь, в которой десять стихотворений Лермонтова написаны рукою поэта. До последнего времени эта тетрадь считалась утраченной. Ее историей занимался И. Андроников, который установил, что тетрадь должна находиться в Казани, где она и была обнаружена Б. Эйхенбаумом. Подробное описание найденной тетради и историю ее розысков дает Б. Эйхенбаум в статье «Казанская тетрадь Лермонтова», публикуемой во втором лермонтовском томе «Литературного наследства».

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

7 января в Центральном доме литераторов состоялся вечер якутской литературы и искусства. Приехавшие в Москву якутские поэты С. Кулачиков-Элляй, А. Кудрин-Абагинский, прозаик и драматург Н. Мординов-Амма Аччыгыйа прочитали свои произведения на родном языке. С чтением переводов выступили Т. Стрешнева, П. Шубин и С. Обрадович.

Якутские артисты продемонстрировали образцы музыкального и вокального искусства якутского народа, исполнив песни композитора М. Жиркова на слова якутских поэтов, а также обрядовые народные песни.

* * *

В секции поэтов состоялся творческий вечер Ярослава Смелякова, читавшего стихи разных лет. Стихи эти войдут в книгу, подготовленную к печати в издательстве «Советский писатель».

В обсуждении участвовали П. Антокольский, Д. Данин, А. Коваленков, М. Максимов, В. Перцов, А. Софронов, С. Трегуб, С. Щипачев.

Творческий вечер Н. Атарова

Два новых рассказа — «Весы и санки» и «Вредная профессия», прочитанные писателем Н. Атаровым в Центральном доме литераторов, вызвали оживленный обмен мнениями.

Все выступавшие были единодушны в положительной оценке первого рассказа. Подлинным драматизмом, по общему мнению, насыщены страницы, рисующие жизнь на знаменитой «ледовой трассе» Ладожского озера, связывавшей во время войны блокированный Ленинград с внешним миром. Эти описания, подчеркивают в своих выступлениях Н. Чуковский, М. Эгарт, Г. Березко, Н. Емельянова, должны быть отнесены к лучшим страницам нашей литературы о подвиге советских людей в годы Отечественной войны.

Не столь единодушно был расценен присутствовавшими рассказ Н. Атарова «Вредная профессия». Основа рассказа — психологический конфликт, возникающий между главным героем, рабочим уральского завода, стойким и честным большевиком Никитой Прониным и его братом Егоркой, сбившимся с правильного пути, целиком подпавшим под деморализующее влияние своей жены, хищницы и спекулянтки. Несмотря на частные удачи, рассказ не удовлетворил многих некоторой нравоучительностью тона, нечеткой обрисовкой взаимоотношений героев, незавершенностью сюжетной линии.

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Центральный комитет ВЛКСМ принял решение о проведении третьего цикла ломоносовских чтений для учащихся средних школ, техникумов, студентов высших учебных заведений Москвы.

Чтения начнутся в феврале. Они будут посвящены достижениям советской науки за 30 лет. С лекциями выступят академики М. Митин, О. Шмидт, С. Вольфкович, Д. Наливкин, М. Келдыш, члены-корреспонденты Академии наук СССР П. Поспелов, А. Минц, Х. Коштоянц и другие.

СОВРЕМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ТЕАТР

В издательстве «Искусство» выйдет в ближайшее время книга «Современный монгольский театр» — первая и единственная работа, освещающая основные моменты истории театра в Монголии. Автор книги — Г. Уварова, бывшая около двух лет художественным руководителем Государственного центрального монгольского театра.

Исследование Г. Уваровой начинается с описания монгольских зрелищ до народной революции 1921 года. Второй раздел книги посвящен путям развития современного монгольского театра от первых кружков театральной самодеятельности, появившихся в Монголии в 1921 году, до 1945 года.

Книга снабжена многочисленными фотографиями (портреты монгольских актеров, сцены из спектаклей).

Конкурс на лучшую пьесу

РИГА. (От наш. корр.). Выяснились итоги конкурса на лучшую пьесу в республике.

Жюри конкурса присудило первую премию в размере 25.000 рублей Ф. Рокпелнису за пьесу «Восходящие в гору». Две вторые премии по 20.000 рублей присуждены А. Григулису за пьесу «Глина и фарфор» и Ю. Ванагу «Встреча на берегу». Две третьи премии по 15.000 рублей получили Э. Залите и А. Глеков.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

● **Около 100 колхозных лекториев работает** в Московской области. В них систематически читаются лекции о международном положении Советского Союза, о Сталинской Конституции, лекции на естественно-научные темы, по вопросам агротехники и др.

● **Семидесятилетие со дня смерти великого русского поэта Н. А. Некрасова** отметила общественность Львова. В институтах, техникумах, учебных заведениях были устроены лекции и доклады, посвященные жизни и литературной деятельности поэта-демократа. В областной библиотеке открылась литературная выставка памяти Н. А. Некрасова.

● **Хрестоматии по литературе на узбекском языке** для средней школы сдал в печать Узбекский научно-исследовательский институт педагогических наук. В хрестоматии для 8-го класса впервые публикуются произведения узбекского народного эпоса. Хрестоматия для 9-го класса содержит ряд произведений, начиная от XVI века до Великой Октябрьской революции.

● **Колхозная грязелечебница** открылась в Свердловской области на берегу Митлевского озера.

Правление и бюро парторганизации Союза советских писателей СССР с прискорбием извещают о смерти писателя-коммуниста **В. В. ХМАРЫ** и выражают соболезнование семье покойного.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 01163.